

Наринэ Юриковна Абгарян
Счастье Муры
Серия «Манюня и другие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11785755
Абгарян, Наринэ Счастье Муры: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088576-3

Аннотация

Самых счастливых девочек в мире зовут Мурами, это мы знаем совершенно точно. У девочек Мур добрые дедушки, заботливые бабушки, любящие мамы и папы. А также шепотные старшие братья, которые немного портят мирное течение жизни, но это они нечаянно, не со зла. Приключений тоже у девочек Мур столько, что хоть отбавляй. Не верите? Прочитайте книжку и сами во всём убедитесь. Это будет смешное чтение. И совсем капелюшечку – горькое. Потому что жизнь – она разная. Как ни крути.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава промежуточная	16
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	53
Глава промежуточная	55
Глава 14	56
Глава 15	58
Глава 16	62
Глава последняя	64

Наринэ Абгарян Счастье Муры

Благотворительному фонду «Созидание» – за добрые дела

© Наринэ Абгарян, текст, 2015
© Ольга Громова, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1 Бабушка

– Бабуль! «Баранки» от слова «барашки»?
Мура смотрит сосредоточенно и требовательно. На круглой щеке, чуть ниже скулы, длинная неглубокая царапина.

– А нечего заводить себе такие растопыренные щёки! – приговаривал вчера Гришка, аккуратно обрабатывая царапину йодом. – Щиплет?

– Щиплет, – шмыгала носом Мура, но стоически терпела. А потом всё-таки не удержалась и сладострастно разревелась: – Я же не виноватая, что у кустика такая колючая ветка!

– Так тормозить надо вовремя! Разбежалась и полетела. Вот и напоролась, – зудел Гришка.

Гришке девять с половиной, Муре пять. Гришка почти совсем взрослый, ест как не в себя, и руки стали длинные-предлинные. Мама Тоня говорит, что мальчики растут как попало – неравномерно, скачками. Сначала шея вытянется, потом руки. Гришка при ходьбе размахивает ими так, что думаешь – сейчас оторвутся.

– Ишь, гоблин, – ласково говорит о нём бабушка.

Бабушка три раза смотрела фильм про Властелина колец и теперь знает наизусть все нечеловеческие расы. Консьержка Римма Петровна у неё энт, потому что высокая, как дерево, и корявая – что нос, что локти. А голос такой, словно из дупла говорит. А вот дворника Касима бабушка называет хоббитом. Потому что маленький, уши враспопыр. И брови мохнатые – глаз не увидеть.

– Поднимите ему брови – говорит про дворника бабушка. Касим словно чувствует, что брови – главный камень преткновения в общении с бабушкой. Поэтому при встрече всегда приглаживает их указательными пальцами. А потом вытягивается в струнку, словно бравый солдат. Только метла сбоку криво торчит.

– Здравствуйте, Зинаида Андреевна! – говорит Касим.

– Салям алейкум, – отвечает бабуля.

Мура сначала думала, что она Касиму про колбасу салями говорит. С которой к завтраку делает вкусные бутерброды – тонкий кружочек колбасы, ломтик сыра и листик салата.

Но бабушка объяснила, что «салям алейкум» – это приветствие на языке Касима. Бабушка вообще очень умная и много непонятных слов знает.

– Бабуль. Ну чего скажешь? – торопит её Мура. – «Баранки» от слова «барашки»?

Бабушка гладит её по вьющимся льняным волосам.

– Нет, солнышко, «барашки» от слова «баран».

– А «баранки»? – не сдаётся Мура.

– А «баранки» от слова «баранка».

– Ага. Буду знать.

Гришка с бабушкой сегодня снова делали русский. Разбирали слова – где корень, где суффикс, где приставка. Мура ходила кругами, запоминала.

– Гриша, это же так просто! – терпеливо объясняла бабушка. – Давай, например, возьмём слово «пирог».

– Давай, – оживился Гришка (он всегда голодный, когда делает уроки).

– И подберём к нему уменьшительные суффиксы.

– Уменьшительные? Это что такое? Я уже забыл.

– Ну как можно забыть? Сын – сыночек.

– А, вспомнил. Значит, так. Пирожок подойдёт?

– Подойдёт. Ещё?

– Пирожочек.

– Хорошо. А ещё?

Гришка крепко задумался:

– Пирожо... пирожооооо... пик?

Бабушка даже не нашлась что ответить. Сидела молча и только выразительно моргала.

Мура всегда с волнением наблюдает, как Гришка с бабушкой делают уроки. Сначала бабушка терпеливая, а Гришка смиренный и исполнительный. Но по ходу занятий бабушка

начинает жаловаться на давление, а Гришка ёрзает и скрипит стулом. Если у бабушки совсем кончается терпение, она уходит на кухню – пить чай.

– Надо остыть, – приговаривает она, отхлёбывая из большой кружки кипятков.

Гришка тем временем тоже остывает. Скачет кубарем по комнате или корчит смешные рожицы в окно. Гришка вообще весёлый. Если не заставлять его делать уроки. Особенно русский. Русский у него совсем не идёт.

– Такой же неспособный к языкам, как его отец, – жалуется бабушка, обмахивается журналом «Траволечение» и пьёт чай.

Муре жалко и её, и Гришку. Поэтому она утешает обоих, как умеет. Сегодня подарила Гришке синий карандаш, а бабушке – красный. Карандашей в коробке много – двадцать восемь штук. Хватит надолго. Когда карандаши закончатся, она ещё что-нибудь примирительное придумает.

Пока бабушка пьёт чай, Мура развлекает её разбором слов. «Хлеб» у неё от «хлебницы», а «баранки» от «барашков». Она водит глазами по кухонным полкам, подыскивая новые предметы. Цепляется взглядом за глиняную фигурку козы, цепенеет.

– Бабуль – пронзённая догадкой в самое сердце, шепчет Мура.-«Коза» от слова «козьявки»?

Бабушка отставляет чашку с чаем и выразительно моргает. Потом тяжело встаёт, вытаскивает из холодильника пузырёк с валерьянкой и капаёт себе полчашки капель.

– Приехали, – говорит она. – И эта в Володю. Хоть он ей и не отец.

Володя – это бабулин сын. И Гришкин отец. Муре он не родной папа, а приёмный. Мама у Муры своя. А папы нет. Когда Муре было три года, её мама и Гришкин папа поженились. И у Муры от этого получилась большая семья – мама, папа, Гришка, бабушка и дедушка.

Папу своего Мура не помнит – она была слишком маленькой, когда родители расстались. Папа переехал в другой город и перестал отвечать на звонки и письма.

Бабушки с дедушкой у Муры тоже никогда не было. Потому что мама выросла в детском доме. Это такое место, где живут дети без родителей.

Гриша не понимает, как родители могут отказываться от своих детей. Мура тоже этого не понимает.

– Хорошо, что наши мама с папой поженились, да, Гришка? – говорит она.

Гришка щёлкает её по носу и улыбается:

– Конечно, хорошо.

Раньше у Гришки не было мамы. То есть она когда-то была, но потом заболела и умерла. И Гриша какое-то время жил у бабушки с дедушкой. Потом, когда папа Володя женился на маме Муры, они забрали Гришу к себе. И зажили большой семьёй. Гриша называет Мурину маму мамой Тоней. А Мура называет Гришкиного папу папой Володей. И свою маму называет мамой Тоней. Чтобы быть как Гришка.

А вот ещё про имена. Гришку на самом деле зовут Григорием. А Муру – Марусей. Но все их называют Гришкой и Мурой. Потому что так ласково звучит.

Родители сейчас в отъезде. Уехали на полгода в Тюмень – работать в большой компании. Правда, полгода почти уже прошло, осталось всего ничего до их возвращения.

За Мурой и Гришей всё это время приглядывали бабушка и дедушка.

Про маму Тоню, папу Володю и бабушку вы уже немного знаете.

А про дедушку в следующей главе написано, в этой не уместилось. Переворачивайте страницу.

Глава 2

Дедушка и прочее хозяйство

Дедушка живёт в деревне, в одноэтажном деревянном доме. Дом старенький, но очень уютный. С пыльной мансардой и крохотной скрипучей верандой. Раньше бабушка тоже там жила, но, когда папа Володя с мамой Тоней уехали в Тюмень, она переехала к внукам. А дедушка остался в деревне. Кому-то ведь надо приглядывать за хозяйством.

Хозяйство у дедушки большое: огород, яблони, смородина. Ну и живности тоже много – восемь кур, петух Сергеич, коза Валентина и пёс Толик.

Если у Гришки случаются каникулы, бабушка отпрашивает Муру в садике, и они уезжают в деревню. И деду помочь, и свежим воздухом надышаться. Детям эти поездки очень нравятся. Гришке потому, что не надо в школу ходить. А Муре потому, что ей вообще всё нравится. Кроме манной каши. Но это можно как-то пережить.

Мама Тоня про дедушку с бабушкой говорит «нашла коса на камень». А папа Володя называет их «война и мир». Кто из них война, а кто мир, не очень понятно. Но ясно одно – врозь они друг по другу скучают, а когда оказываются рядом – начинают ссориться. По всяким пустякам. Притом ссорятся они по-разному. Бабушка выговаривает дедушке громко, с чувством, с расстановкой. Загибая пальцы и призывая в свидетели небесные силы. А дедушка молчит-молчит, потом не вытерпит, скажет «мхм» и выйдет из дому, оглушительно хлопнув дверью.

– Вот и весь разговор! – разводит руками бабушка и садится пить чай. Остывает. – Этот человек мне снова всю душу вынул! – говорит она про дедушку. Бабушка всегда называет его «этот человек», когда сердится. Если очень сильно сердится, называет «старый пень». А когда совсем не сердится, называет Ванечкой.

Зато дедушка называет бабушку по имени. Зиночкой. Ну или Зинаидой, если они совсем чего-то не поделили.

Мура с Гришей относятся к ссорам взрослых с пониманием. А как ещё относиться, когда каждый из них по-своему прав? Вот, например, дедушка. Поехал на птичий рынок за канарейкой. Нет, сначала они с бабушкой, по своему обыкновению, поссорились.

– Зачем канарейка в деревне? – выпрашивала у него бабушка.

– Хочу певчую пичужку, – объяснил дед.

– Кругом лес! Тебе мало пения лесных пичужек?

– Мхм!

– Не, ну ты мне объясни! – не унималась бабушка. – Зачем тебе, старому пню, канарейка? Ей ведь клетку надо купить, поилку. Витамины небось какие-то специальные. Тебе что, деньги некуда девать?

Дед помолчал-помолчал, потом сказал: «Зинаида!» – надел пиджак и уехал в райцентр.

Вернулся он оттуда смирный, без канарейки. Зато с козой.

– Нечаянно купил, – смущённо почесал он в затылке. – Даже сам не понял, как это получилось. Смотрю – стоит. Белая, с рожками. Ну я и не вытерпел.

Бабушка накапала себе валерьянки и пошла знакомиться с пополнением в хозяйстве. Коза глянула на неё своими жёлтыми глазами, вежливо мемекнула, покивала головой, здороваясь.

– Ишь какая, – хмыкнула бабушка.

Назвали Валентиной.

Теперь коза живёт в курятнике. Дедушка выделил ей небольшой угол, загородил сеткой, чтобы куры туда не ходили, подстелил опилок, чтобы мягко было спать. Одно время

Валентина гуляла по деревне и паслась где ей вздумается, но после того, как она случайно обглодала крыжовник председателя сельсовета, одну её на выпас не выпускают.

Председатель, обнаружив обглоданные кусты, напрямик пришёл ссориться с бабушкой и дедушкой. Дедушка сразу перед ним извинился. Но председатель всё не мог успокоиться и требовал, чтобы козу забили. Чем вывел из себя бабушку.

– Я лучше тебя забью, ясно? – рассердилась она. – Ни стыда ни совести. Чисто Саруман¹.

– Какой Саруман? – опешил председатель.

– Известно какой! – отрезала бабушка.

Председатель поперхнулся на полуслове, пожевал губами и ушёл. С тех пор бабушка его недолюбливает. Не может простить, что он требовал забить Валентину.

Так вот, возвращаясь к ссорам взрослых. Гриша потом голову ломал, пытаясь сообразить, кто же всё-таки был прав.

– Наверное, бабушка была права? Ведь дед послушался её и не купил канарейку, – предположил он.

– Ага, – кивнула Мура.

– Но с другой стороны, он ведь не зря съездил в райцентр. Вон козу купил. Значит, и дед был прав?

– Ага! – с готовностью согласилась Мура.

Так и не поняли, чью сторону принимать.

– Пусть дед с бабулей сами разбираются, – решил Гриша.

¹ Злой маг из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена.

Поездка к дедушке – не только удовольствие, но и работа. У каждого в хозяйстве свои обязанности. Дед носит из колодца воду, топит баню, копает огород. Бабушка хлопчет по дому – убирается, готовит.

У Гришки самая ответственная обязанность – выгуливать Валентину. Выгуливает он её в ошейнике пса Толика. Чтобы она нечаянно ещё чего-нибудь запретного не обглодала. Валентина от ошейника делается несчастной и тащится еле-еле, кося жёлтым глазом на крыжовник председателя сельсовета.

За Гришкой и Валентиной, повизгивая от счастья, трусит дворový пёс Толик. У Толика солидное имя – Тлоке Науаке. Так его папа Володя назвал. В честь ацтекского бога

дождя. Ацтеки – это такие индейцы, которые живут в Америке. У них было много разных богов, а бога дождя звали Тлоке Науаке. Вот папа Володя и назвал в его честь пса. Потому что нормальные собаки в сырую погоду нос из конуры не высовывают. А Толик бегают по двору и радостно облаивают каждую дождевую каплю.

Тлоке Науаке, конечно же, красиво. Но Толик звучит привычнее. Поэтому собаку все зовут Толиком.

Пока Гришка гуляет по посёлку с Валентиной, Мура занимается разными полезными делами. То за дедом хвостиком по огороду ходит, то бабушке истории рассказывает, пока та с обедом возится. А то вообще опыты над животными ставит. Например – кормит кур картофельными очистками. Правда, куры наотрез отказались есть сырую картошку. Они поклевывали её, скривились и ушли гулять по участку, чего-то там клопоча себе под нос. В общем, опыт провалился.

С забора за курами наблюдает петух Сергеич. Сергеич настоящий зверь. Так его уважительно бабушка с дедушкой называют. По виду он, конечно, совсем обычный петух – гребешок там, клюв, большие крылья. Крепкие ноги со шпорами. Но характер у него о-го-го какой. Если Сергеич проснулся не в духе, соседям покоя не бывает. Потому что он склочно кукарекает с забора целый день. И затихает, только когда совсем охрипнет.

Иногда, правда очень редко, Сергеич просыпается в хорошем настроении. В такие счастливые дни он сидит на заборе нахохленный и зловеще молчит.

– Сил набирается, – говорит бабуля.

Жизнь в городе очень отличается от деревенской жизни. В городе находишься в постоянной беготне. А в деревне тишь да благодать. Ну кроме всполошенного «кукареку» Сергеича, но к этому понемногу привыкаешь.

Дом у деда совсем небольшой – спальня и кухня. В спальне стоят две кровати. На одной спят бабушка с Мурой. А на другой – дед с Гришкой.

Мура спит как мышка. Свернётся калачиком, подложит под щёчку ладонь и моментально проваливается в сон. Бабушка прижимает её к себе, подтыкает одеяло, чтобы спину не надуло. И слушает, как на соседней кровати бьются дед с Гришкой.

Дед говорит, что Гришка спит, словно воюет. То локтем в бок заедет, то ногой наподдаст. Или же ляжет поперёк тебя, раскинет длиннющие руки, одним кулаком в нос заедет, а другим в колено. А колени у деда больные. Скрипят и ноют в дождливую погоду.

– С тобой, как на минном поле, – бурчит утром дед, – шаг вправо или влево – конец.

– Чего конец? – виновато сопит Гришка.

– Не чего, а чему. Жизни конец!

Гришка смущённо хихикает.

Вечерами Мура с дедушкой сидят на крыльце. Провожают солнышко. Дед говорит, что у его предков поморов так принято. Поморы, объясняет дедушка, это люди, которые населяют север России, берег Белого моря. Оттуда они и поморы, что живут у моря.

– Скромные, работающие и достойные люди, – говорит дед.

Мура залезает к нему на колени, трётся щекой о колючую, пахнущую табаком бороду.

– Дед, а дед. Можно я тоже буду помором?

– Можно, – крикает дед.

Так и сидят, обнявшись, и провожают солнце.

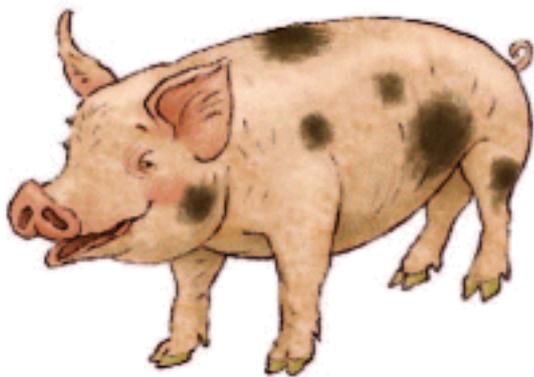
Глава промежуточная О рухнувших надеждах

Мура с Гришей знают эту историю наизусть, хотя случилась она давно, почти тридцать лет назад, когда папе Володе было столько же лет, сколько сейчас Гришке.

Дедушка всю жизнь мечтал о машине «москвич» оранжевого цвета. Но денег на неё никак не удавалось накопить. Они уходили на разные другие нужды. Сначала дом в деревне купили, забор поставили, баньку срубили. Затем пришлось на море каждое лето ездить, потому что маленький Володя болел. Море помогло, Володя прекратил болеть, и дед, наконец, вздохнул с облегчением.

Пять долгих лет он копил на машину. Но, когда нужную сумму наконец-то удалось собрать, случилась большая денежная реформа, и все накопления пропали. На ту малость, что деду выдали в банке, можно было приобрести только бампер от машины «москвич». Дед погоревал-погоревал, съездил в соседнюю деревню и купил свинью. И назвал её в честь своих рухнувших надежд Бампером.

Свиньи давно уже нет, но соседи до сих пор её помнят. И почтительно называют деда Егорыч, Хозяин Бампера.

Глава 3

Вася Прохвостов

Через месяц у Гриши наступят очередные школьные каникулы, и снова можно будет ехать к деду в деревню. Мура ждёт не дожждётся этого дня. А пока жизнь протекает как обычно – с утра бабушка будит внуков и собирает на выход. Муру в садик, а Гришу – в школу.

Мура просыпается легко, с полуслова. А Гриша спит до последнего. Пока бабушка не встанет над ним и не рявкнет: «Кому говорено, в школу пора!» А потом он сидит за столом, хмурый и недовольный, клюёт носом.

– Ешь, – говорит ему бабушка.

– Я готов круглые сутки спать, лишь бы в школу не ходить – бурчит Гриша.

– Я тебе дам в школу не ходить!

– Мхм, – тоном бабушки говорит Гриша и откусывает от бутерброда такой огромный кусок, что остаётся одна горбушка.

У Гриши всегда хороший аппетит. Бабушка говорит, что он ест как не в себя. У Муры аппетит не очень. Но на фигуре это никак не отражается. Щёки у неё круглые, и пузо воинственно торчит. Вообще-то Мура этого не замечала, пока Васька Прохвостов не обзвал её толстухой. Мура сразу же полезла драться, но Васька кинул в неё кубиком и угодил в лоб.

– Дурак, – сказала ему Мура и ушла в другой конец комнаты.

Раньше Мура очень любила садик. А теперь из-за Васьки не любит. Она бы тоже, наверное, круглые сутки спала, лишь бы не встречаться с Васей. Но, что поделаться, ходить туда нужно. Не оставлять же ребят лицом к лицу с такой бедой, как Васька Прохвостов!

– Ну ты и фрукт! – говорит Ваське Прохвостову детсадовская нянечка тётя Галя. А потом разводит руками, качает головой и растерянно цокает языком: – Тц-тц-тц!

Мурина группа искренне недоумеает, как можно такого мальчика, как Васька Прохвостов, называть фруктом. Будь на то воля Муриной группы, Ваську называли бы кирпичом. Или крокодилом. Или как-нибудь ещё, но чтобы обязательно противно. Манной кашей, например. Хотя это как посмотреть. Манная каша тумачи не раздаёт, плохими словами не обзывается и игрушки не ломает. В сравнении с таким мальчиком, как Васька Прохвостов, манная каша выглядит очень даже выигрышно. Поэтому, если перед Муриной группой поставить выбор – манная каша или Вася Прохвостов, симпатии явно будут на стороне каши. Дети готовы есть её на завтрак, обед и даже полдник, лишь бы Васю Прохвостова перевели в другую группу. А лучше – в другой садик. Ещё лучше – в другую страну. И вообще идеально – на необитаемый остров. Потому что в другой стране тоже живут дети, и их тоже жалко.

С виду Васька Прохвостов обычный мальчик – два глаза, два уха, две руки и две ноги. И пальцев у него столько же, сколько у нормального ребёнка. Пять. А, нет, десять. Или вообще двадцать, если ещё и на ногах посчитать. Только внешность бывает обманчивой. А в случае с Васькой Прохвостовым обманчивой настолько, что у детей нет-нет да и закрадывается сомнение – а вдруг всё-таки он не обычный мальчик? Вдруг под обликом обычного мальчика скрывается какой-нибудь зловредный инопланетный разум? Который прилетел на планету Земля затем, чтобы истребить всё живое в одной отдельно взятой детсадовской группе?

Мура отлично запомнила день, когда в садике появился Вася Прохвостов.

– У нас пополнение – воспитательница Нина Григорьевна, широко улыбаясь, ввела в комнату высокого кареглазого мальчика, – зовут его... – Тут она сделала паузу, давая новенькому возможность представиться.

Новенький громко шмыгнул и утёр нос рукавом кофты.

– Вася! – укоризненно покачала головой Нина Григорьевна и протянула салфетку: – Возьми. И больше не утирай нос рукавом.

Мальчик немного подумал, ещё раз шмыгнул носом и утёр его теперь уже другим рукавом.

Так все узнали, что новенького зовут Васей.

Дети сначала обрадовались прибавлению в группе – им как раз не хватало рук, чтобы правильно собрать из мелких деталей башню – она получалась слишком высокой и от этого упорно заваливалась набок.

– Поможешь? – попросили они Васю. – Поддержать надо.

Вместо ответа Вася пнул башню. Башня упала и развалилась на части.

– Ты зачем её сломал? – спросил Федя. Он был так удивлён поведением нового мальчика, что даже растерялся.

– Затем, – ответил Вася и толкнул Федю. – Захочу – и тебя развалю.

– Ты чего дерёшься? – подскочил Миша.

– Ня-ня-ня ня-ня ня-ня! – передразнил противным голосом Вася. – Хочу и дерусь!

И двинул Мишу в бок. Через секунду мальчики катались по полу, увлечённо мутузя друг друга.

– Нина Григорьевна! Нина Григорьевна! – зашумели дети. – А новенький дерётся!

Нина Григорьевна и нянечка тётя Галя подоспели к тому моменту, когда Вася, сидя верхом на Феде, колотил его кулаками в спину, а Миша пытался оттащить его в сторону.

– Стоять! – крикнула тётя Галя хорошо поставленным басом дрессировщика клыкастых хищников и попыталась отколупать Васю от Феде.

Отколупываться Вася не желал. Тёте Гале пришлось изрядно попотеть, чтобы его уговорить. Но Вася не успокаивался, он размахивал руками и ногами и случайно угодил пяткой в колено тёте Гале.

– Ах! – ахнули дети.

– Ох! – охнула тётя Галя, выпустила Васю и побежала на кухню – выпрашивать у повара что-нибудь из морозилки, чтобы приложить к ушибленному месту.

Нина Григорьевна отругала всех, но особенно – Федю с Мишей и новенького Васю. Федю с Мишей за то, что они вдвоём полезли на одного, а Васю за то, что он дерётся.

– Он первый начал! – попытался добиться справедливости Федя. – Мы его вообще не трогали, мы поиграть его позвали. А он нашу башню развалил!

– Слышать ничего не хочу! – отрезала Нина Григорьевна. – Во-первых, разваленная башня – не повод для драки. Во-вторых, – тут она повернулась к Васе: – Ты зачем башню развалил?

– Не знаю, – шмыгнул носом Вася.

– Вот и подумайте каждый над своим поведением! – заключила Нина Григорьевна.

Объяснять воспитательнице, что разваленная башня – это о-го-го какой повод для драки, особенно когда вы её любовно, деталька к детальке, собирали всё утро, дети не стали. Всё равно не переубедят.

Но в одном они были согласны с воспитательницей – лезть в драку всем на одного нечестно. Да и вообще драться нечестно. Зачем размахивать кулаками, когда можно решить всё на словах?

Поэтому Федя с Мишей покрутились-покрутились и снова подошли к Васе – мириться.

– Хочешь поиграть с нами?

– Нет – отрезал Вася. – Я с вами не дружу.

И пошёл отбирать куклу у Светы Петровой. А чтобы та не задавалась, дёрнул пре-больно её за косички. Два раза, по числу косичек. Света Петрова подняла такой крик, что собрала вокруг себя весь садик. Даже повар прибежал. С пакетом замороженных куриных грудок. На случай, если вдруг ещё кому-нибудь нужно холодное к ушибу приложить.

Нина Григорьевна отругала Васю и поставила его в угол на пятнадцать минут. Как ни странно, на протяжении этих пятнадцати минут он вёл себя тихо, даже ни разу не шелохнулся. Правда, потом, когда время вышло, всем стала понятна причина его мирного поведения. Вася просто отдирает штукатурку со стены и к тому моменту, когда закончилось его наказание, добрался до бетонной плиты. Он бы, наверное, и бетон навывлет исколупал, если бы его оставили в углу на пять минут дольше.

– Ну ты и фрукт! – выдохнула тогда впервые тётя Галя.

Знала бы она, как часто придётся повторять эти слова!

Занятие по лепке Вася сорвал на первой же минуте – подложил большой ком пластилина под Серёжу Потапова. Серёжа с размаху сел на пластилин и испачкал себе брюки. Тётя Галя быстро отстирала пятно и повесила брюки сушиться на батарею отопления. А потом тщательно отскребала со стула пластилин. Пока брюки высыхали, Серёжа Потапов ходил по игровой комнате в пижамных штанах и душераздирающе вздыхал. На всякий пожарный случай, чтобы Вася ему ещё чего не подложил. Вася сидел нахохленный и лепил большую чёрную пушку.

За обедом намученная опытом тётя Галя сидела рядом с Васей и следила, чтобы он чего-нибудь не вытворил. Вася заметно скучал и нервничал. Но вытворить ничего не мог – тётя Галя с него глаз не сводила.

Потом настал тихий час. Заснули все, даже те, которые никогда днём не засыпали. Даже тётя Галя уснула на соседней с Васей кровати. Просто дети и воспитатели так устали от выходок новенького мальчика, что сильно нуждались в отдыхе.

После сна Вася принялся с удвоенной силой терзать своих одноклассников. К тому времени, когда за ним, наконец, пришли, выдохлись все – и Нина Григорьевна, и тётя Галя, и вся группа.

– Нам нужно поговорить о поведении вашего сына, – обратилась к мужчине, который пришёл забирать Васю, Нина Григорьевна.

– Ну что вы, это не мой сын! – замахал руками и даже испугался мужчина. – Я – водитель Васиного папы.

– Вы можете передать родителям Васи, что мне надо поговорить с ними?

– Я-то передам. Но они вряд ли придут. Очень занятые люди, даже в выходные работают. Лучше позвоните Васиной маме. Вот её визитка.

Нина Григорьевна задумчиво повертела визитку в руках:

– А кто же тогда Васей занимается?

– Няни. Только они часто меняются, потому что не выдерживают. Мальчик-то особенный, совсем неугомонный, – тут водитель горько вздохнул.

Нина Григорьевна понимающе закивала.

– Когда увольняется одна няня, возжусь с ним я, пока другую не найдут, – ободренный её кивком, продолжил водитель. – Мы же – тут он понизил голос – пятый садик меняем. Пятый! Нигде дольше месяца не задерживаемся.

– Так! – сказала Нина Григорьевна, когда взмыленный водитель, кое-как натянув на Васю ветровку, вывел его из раздевалки. – С этим надо что-то делать.

– Может, он и у нас не задержится? Уж месяц мы как-то потерпим, а? – с надеждой шепнула нянечка тётя Галя.

– Ну уж нет! Я этого так не оставлю! – отрезала Нина Григорьевна и ушла советоваться с детсадовским психологом Анной Гавриловой.

Мура всю дорогу рассказывала бабушке о Васе. Бабушка сначала выслушала её, а потом давай возмущаться.

– Завтра поговорю с Ниной Григорьевной, – пыхтела она. – Не страдать же вам от того, что Вася не умеет себя вести!

Но вечером позвонили мама Тоня с папой Володей, и, когда бабушка поведала им о Васе, они попросили её не вмешиваться в эту историю.

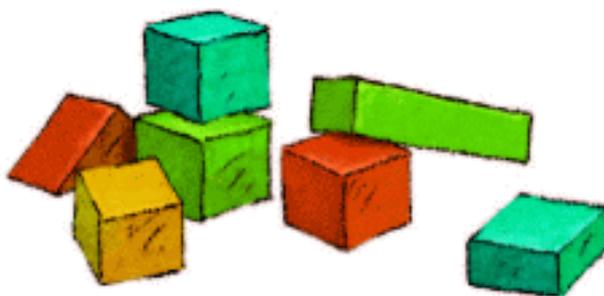
– Мальчик попал в незнакомую среду. Дайте ему время пообвыкнуться, – сказал папа Володя.

– Хорошо. Дадим ему три дня.

– Неделю!

– Ладно, неделю, – нехотя согласилась бабушка.

На том и порешили.

Глава 4

Бабушка грозитя кузькиной матерью

«Неделя – это очень долго» – думала утром Мура, собираясь в садик.

Дворник Касим с таким остервенением шкрябал по тротуару метлой, что слышно было аж на восьмом этаже. Мура прижалась носом к оконному стеклу, понаблюдала за ним. Вздыхнула, пошла чистить зубы.

Консьержка Римма Петровна, водрузив на корявый нос крохотные очки, внимательно читала объявления на последней странице журнала. Заметив выходящих из лифта Муру с бабушкой и Гришей, она распахнула окно своей комнатухи.

– Зинаида Андреевна, как вам это нравится? «Потомственная ведунья в восьмом поколении матушка Аглая вылечит язву двенадцатиперстной кишки и другие заболевания опорно-двигательного аппарата за один сеанс магии и колдовства».

– Очень не нравится, – хмыкнула бабушка.

– И ведь кто-то попадает на такие идиотские объявления!

– Идиоты и попадают.

Римма Петровна кивнула и, посчитав беседу законченной, захлопнула окно. Но возмущаться не перестала.

– Бу-бу-бу-бу-бу, – раздавалось из её комнатухи.

– Бабуль, а чего вы так рассердились? – спросила Мура.

– Развелось шарлатанов, вот и сердимся.

– А что такое шарлатаны?

– Обманщики.

– А-а-а – протянула Мура – понятно.

Гришка помахал им рукой и скрылся за воротами школы. Над многоэтажным домом, что возвышался за парком, кружила целая стая большекрылых голубей. Мура понаблюдала за их полётом, вздохнула:

– Бабуль, ты бы хотела летать?

– Не знаю. Наверное, хотела бы.

– Вот и я бы хотела.

Светофор моргнул жёлтым, переключился на красный. В специальном окошке для пешеходов весело зашагал зелёный человечек.

– Пошли. – Бабушка шагнула на пешеходную линию, потянула за руку Муру.

– Вот если бы мы умели летать, то не стали бы дожидаться, пока включится светофор. Просто перелетали бы дорогу, – мечтательно закатила глаза Мура.

– Тогда бы, наверное, придумали правила полёта по городу? – предположила бабушка.

– Это как?

– А вот как. Представляешь, если бы все люди разом взлетели? Наверху негде было бы протолкнуться. Поэтому если бы мы умели летать, то и в воздухе висели бы светофоры.

Мура представила потоки летящих над головой людей, светофоры, которые, мигая огнями, пропускают то тех, то этих...

– Всё равно было бы здорово!

– Наверное, да, – согласилась бабушка.

– Интересно, Вася и в воздухе бы себя плохо вёл?

Бабушка издала очень странный звук. Словно из неё разом выпустили весь воздух.

– Сколько дней прошло после нашего с Володей телефонного разговора?

– Три.

– Подождём до пятницы, а там я покажу родителям Васи кузькину мать.

Мура похолодела. Если бабушка грозитя показать кузькину мать, то дело заканчивается скандалом. Как в тот день, когда в дверь квартиры позвонили какие-то тётеньки с подозрительно честными глазами и предложили купить за пятьсот рублей лекарство от тараканов. Бабушкина кузькина мать в тот день гремела аж на все восемь этажей, которые тётеньки преодолели за рекордно короткое время, не дожидаясь лифта.

Муре стало страшно за маму и папу Васи. Хоть они и родили противного мальчика, но кузькиной матери всё равно не заслужили.

– Может, обойдётся? – нерешительно предположила Мура.-Может, Васе занятия с Анной Гавриловной помогут?

Анна Гавриловна – садиковский психолог. Вот уже три дня она занимается с Васей. Правда, пока без особых результатов. Вася, как третировал свою группу, так и продолжает третировать. И останавливаться на достигнутом не собирается.

– Там посмотрим, – хмыкнула бабушка.

Скоро показался высокий забор детского сада. Кругом было пустынно и совсем тихо.

– Кажется, мы сегодня первые, – сказала бабушка.

Но она ошиблась. Впритык к воротам стояла большая чёрная машина. Мура сразу её узнала – на ней привозили и увозили Васю. Обычно водитель сопровождал его наверх. Но сегодня он почему-то переминался с ноги на ногу у ворот.

– Здравствуйте, – звонко поздоровалась Мура.

– Доброе утро – отозвался водитель. И зачем-то добавил: – И вам не хворать. – А потом засуетился, распахнул калитку: – Проходите.

– Спасибо – поблагодарила бабушка.

– Там наверху мама Васи – зачем-то сообщил водитель. И смутился.

– Мама Васи? – нехорошо прищурилась бабушка. – И что она там делает?

– Разговаривает с воспитательницей.

Бабушка пожевала губами:

– Мура, я, пожалуй, не стану заходить к вам. От греха подальше.

– Хорошо, бабуль.

Мура чмокнула бабушку в мягкую щёку и заспешила наверх. Ей не терпелось взглянуть на маму Васи. Интересно, как выглядят женщины, у которых получаются такие зловредные сыновья?

Глава 5

Счастливая развязка

Васина мама была очень похожа на сына. Такая же крупная, круглолицая, с высоко вздёрнутыми бровями. Она стояла посреди раздевалки и пахла сладкими духами. Мура потянула носом, чихнула.

– Вы должны уделять больше внимания сыну, – говорила маме Васи Нина Григорьевна. При виде Муры она оборвала себя на полуслове, поздоровалась, подождала, пока та переоденется и уйдёт в игровую комнату.

– Но мы много работаем, у нас нет времени, – сердито ответила мама Васи. Она говорила так громко, что слышно было даже за закрытой дверью.

– Пожалуйста, тише. Я бы не хотела, чтобы наш разговор слышали дети.

– А я не умею по-другому!

Вася притаился за дверью и делал вид, что ему совершенно безразличен разговор взрослых. А чтобы никто не сомневался в его безразличии, он разрисовывал дверь цветными мелками. Сколько хватило роста.

Мура пригляделась. Вася нарисовал вражеский самолёт. Самолёт летел по небу и отплёвывался тяжёлыми чёрными бомбами.

– Он потому такой ершистый, что... – Нина Григорьевна на минуту подняла голос, а потом, спохватившись, снова перешла на шёпот.

– Не выдумывайте. У него всё есть! – прогремела мама Васи.

Нина Григорьевна заговорила быстро, но ничего, кроме «проще откупиться», которые она повторила несколько раз, дети не расслышали.

Мура немного подумала и решила завести разговор с Васей. Чтобы отвлечь его от беседы взрослых. А то, судя по количеству бомб, выпущенных самолётом, беседа Васе явно не нравилась.

– Давай я помогу тебе смыть рисунок, – предложила она.

– Ещё чего!

– Тебя ведь снова отругают.

– Ну и пусть!

– На двери нельзя рисовать.

– А мне можно. Мне вообще всё можно.

Мура ушла в туалетную комнату, намочила и тщательно отжала тряпку, которой тётя Галя мыла подоконники. Вернулась к Васе:

– Давай я всё-таки сотру рисунок. А то тебя в угол поставят.

Вася промолчал, но подвинулся, чтобы Муре было легче смывать рисунок. Мура сильно удивилась, но не подала виду.

– У тебя есть книга про динозавров? – спросила она.

Вася ничего не ответил. Он угрюмо наблюдал, как влажная тряпка стирает самолёт с бомбами.

– А знаешь, кто самый страшный динозавр? – как ни в чём не бывало продолжила расспросы Мура.

Вася недовольно фыркнул, отобрал у неё тряпку и сам домыл дверь. Попинал ножку стола. Громко почесал себя в живот.

– Ну и кто самый страшный динозавр? – наконец не выдержал он.

– Тираннозавр, – с готовностью откликнулась Мура. – Он очень кровожадный и ужасный. А знаешь, кто самый большой динозавр?

– Знаю.

– Кто?

– Ну такой, зелёный. С длинной шеей.

– Амфицелия.

– Ага, амфицелия.

– А самый маленький?

– Не знаю.

– Компсогнат! Он ростом с обычную собаку.

У Васи вытянулось лицо:

– Как ты эти трудные слова запоминаешь?

– Нравятся, вот и запоминаю. Правда, я всего три таких слова знаю. Тираннозавр, амфицелия и компсогнат. Другие запомнить не могу.

Вася подумал.

– А ты смотрела мультик «Мама для мамонтёнка»? Там мамонтёнок потерялся и искал свою маму, – спросил он.

– Смотрела, ага.

К тому времени, когда стали приходить другие дети, Мура с Васей успели обсудить все свои любимые мультики. Мура тихо радовалась тому, что Вася сегодня не такой, как обычно. Оказывается, он вполне себе нормальный мальчик. Если увлечь его интересным разговором.

К сожалению, покладистость Васи закончилась ровно в тот миг, когда в комнате появились остальные ребята. В его голове словно щёлкнул какой-то переключатель, и он снова принялся задирать всех и отбирать игрушки. Но теперь Вася делал это не с обычным энтузиазмом, а словно по привычке. А потом вообще помог Свете Петровой пристегнуть застёжку на сандалии. Света так удивилась, что несколько секунд простояла с широко разинутым ртом. А потом всё-таки очнулась и поблагодарила Васю. Вася дёрнул её за косичку, чтоб не задавалась, правда, не сильно дёрнул, и только за одну косичку, а потом принялся носиться по комнате и биться плечом то в одну, то в другую стену.

– Посторонись! – кричал он. – А то зашибуу!!!

Пока дети под бдительным оком нянечки тёти Гали собирались в игровой комнате, с Васиной мамой общалась психолог Анна Гавриловна. Разговор получился тяжёлый – Васина мама не соглашалась с тем, что её сыну не хватает внимания и любви родителей.

– Мы его любим! Мы для него всё делаем! Мы даже работаем так много потому, что хотим ему обеспечить нормальное будущее! – твердила она.

– Поймите меня правильно, – говорила ей ровным голосом Анна Гавриловна, – ребёнок нуждается в общении с вами. Никакие няни, никакие игрушки ему вашу любовь не заменят.

– Но мы очень стараемся...

– Значит, недостаточно стараетесь! Обнимайте чаще Васю, говорите, как сильно вы его любите. Проводите с ним выходные. Чем больше вы вложите в него любви, тем счастливее будет ваш сын.

– Я подумаю, – поджала губы мама Васи.

– Здесь не думать надо, а действовать, – Анна Гавриловна встала, протянула ладонь: – До свидания.

Васина мама пожала протянутую руку психолога и молча, не попрощавшись, вышла из кабинета.

– Ну как? – заглянула в кабинет Нина Григорьевна.

– Надеюсь, я до неё достучалась.

Когда Нина Григорьевна вернулась в группу, дети завтракали овсянкой, бутербродами с сыром и какао.

– Поговорили? – спросила шёпотом тётя Галя.

– Поговорили.

– Как успехи?

– Не знаю. Поживём – увидим.

День прошёл как обычно – занятия по математике (Вася сломал три карандаша – просто так, ради интереса, чтобы узнать – сломаются они или нет). Прогулка (Вася взобрался на дерево, чтобы скинуть оттуда кормушку для птиц, зацепился за ветку штанами и, если бы не вовремя подоспевшая воспитательница, рухнул бы на землю и переломал себе руки-ноги). Обед (Вася вышиб стул из-под Серёжи, хорошо, что Серёжа успел уцепиться за край стола и не упал). Тихий час (тётя Галя периодически заглядывала в спальную комнату и каждый раз удивлялась, до чего же мирный вид у спящего Васи). Полдник (Вася вылил остатки кефира за шиворот Пете Романову, пришлось тёте Гале, по привычке ругая Васю фруктом, отмывать пострадавшего и его футболку).

А потом все вздохнули с облегчением, потому что за Васей пришёл папа. Настоящий. Высокий, худой, в костюме и галстуке. С пятью воздушными шарами-уточками на разноцветных ленточках. Вася был так удивлён, что даже не взглянул на уточек. Он какое-то время заворожённо смотрел на отца, словно не веря своим глазам, а потом молча надел ветровку. Сам.

– Сегодня мы пойдём домой пешком, – сказал ему папа. И посмотрел на Нину Григорьевну так, словно сдаёт ей экзамен. Нина Григорьевна незаметно кивнула.

– Совсем пешком? – не поверил ушам Вася.

– Совсем. Прогуляемся, поговорим о том о сём. Поедим мороженое. Ты какое любишь?

– Любое! – быстро ответил Вася и взял папу за руку. – Пошли.

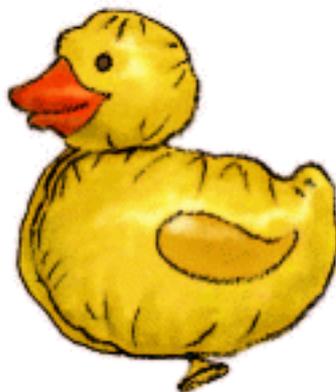
Дети наблюдали в окно, как они идут по детсадовскому двору. Вася вертелся, скакал на одной ножке и сыпал вопросами, но руки отца не выпускал. Утки на ленточках подпрыгивали в такт его подскокам и весело переливались на солнце. Папа сначала чеканил шаг, потом расслабил узел галстука, снял пиджак и перекинул его через локоть.

– Ты знаешь, кто самый страшный динозавр? – долетел до ребят голос Васи.

– Налоговый инспектор?

– Ну пап!

Мура смотрела вслед Васиному папе и тихо радовалась. Он такой худенький и несчастный, и голова вся в лысине. И уши большие, как у мамонтёнка из мультика. Такой бы точно бабушкину кузькину мать не пережил. «Хорошо, что всё обошлось», – думала Мура и с умилением наблюдала, как над Васей и его папой весело перемигиваются воздушные уточки.

Глава 6

Чемодан и бешеная газонокосилка

– Любовь нечаянно нагрянет – поёт бабушка. – Когда её совсем не ждёшь!

Мура слов не знает, поэтому просто напевает мелодию.

Гришка уткнулся носом в окно и делает вид, что не имеет к ним никакого отношения. Надо же чего придумали – на людях петь. Он провожает взглядом проплывающие за окном деревья и делано хмурится. Взаправду хмуриться не получается, потому что у него счастье. Начальную школу закрыли на карантин. Несколько учеников заболели коклюшем, и с первого по четвёртый классы отправили по домам. На целых две недели.

И теперь они едут на электричке в деревню. Проводить карантин на свежем воздухе.

– Сердце, тебе не хочется покоя! – негромко поёт бабушка. Но Гришке кажется, что она поёт на весь вагон. Мура тоненьким голосом подпевает, смешно закатив глаза. Гришка, сурово глядя в окно, считает минуты. Осталось потерпеть совсем чуть. Скоро уже станция.

Дед не подкачал. Явился на вокзал при полном параде – в рыбацком плаще, бейсболке с надписью «Кока-кола» и с Валентиной на поводке.

Мура с разбега кидается ему на шею, подставляет для поцелуя одну щеку, потом другую.

– А где Толик?

– Дома оставил. За старшего.

Гришка крепко обнимает деда.

Бабушка от поцелуя уворачивается.

– Семьдесят лет, а туда же – ворчит недовольно.

– Во-первых, шестьдесят четыре! – возмущается дед.

– А во-вторых, бери сумки и двигайся в путь. Нечего на станции лясы точить, – отрезает бабушка.

– Ишь, кума, на попе бахрома, – хмыкает дед.

До деревни минут тридцать, наискосок по небольшому полю, а потом по краю леса. Впереди скачет довольная Валентина. Следом идёт дед, несёт две большие сумки. За ним, отчаянно размахивая руками, спешит Гришка. На спине у него набитый всяким добром рюкзак. Мура тащит плетёную корзинку с припасами: пирожки с картошкой, блины, запечённая курица. Гришка хотел забрать у неё корзинку, но она не дала. Потому что тоже помощница. Процессию замыкает бабушка. У неё в руках чемодан. В чемодане немного тёплых вещей и спальный мешок. Бабушка его в спортивном магазине за большую скидку взяла.

– Вот и будет тебе спальное место, – объявила она Гришке.

Гришка ночь провёл в мешке. Из интереса. Спать ему было тепло и уютно. Но не очень свободно – ноги не раскинешь, волчком не повертишься.

– Заодно приучишься ночевать как нормальный человек, – обрадовалась бабушка.

Нести чемодан ей очень неудобно – он хоть и не тяжёлый, но большой, аж громоздкий. В городе с ним намучились, пока до вокзала добирались, а теперь по дороге в деревню приходится страдать. Бабушка постоянно цепляется чемоданом о кусты и сучья, ругает его дубиной стоеросовой.

– Зиночка, оставь его на дороге. Я потом заберу, – предлагает дед.

– Нет уж! – отрезает бабушка. – Обернёшься – а его унесли.

– Была бы верёвка, мы бы привязали её к ручке чемодана. – вдруг говорит Гришка.

– А дальше чего? – любопытствует бабушка.

– И потащили бы его по траве.

– Здрассьти-приехали! – говорит бабушка. – Только этого нам не хватало.
Дед замедляет шаг:
– А что? Это мысль!
– Вот только не надо... – раздражается бабушка, но уже поздно. Дед останавливается, ставит на землю сумки.
– Зиночка, дай мне его сюда.
– Не дам!
Дед молча подходит, отбирает у бабушки чемодан.
– Гришка, у тебя брюки на ремне?
– Неа.
– Жаль, и у меня не на ремне. Может, в вещах что-нибудь подходящее есть? Пояс от халата, например?
– Нету, – быстро отвечает бабушка.
Дед смотрит на неё внимательно.
– А если найду?
– Этот человек меня с ума сведёт! – хлопает себя по бокам бабушка.
Мура цепенеет. Раз бабушка назвала деда «этим человеком», значит, до ссоры недалеко. Но дед словно не слышит сварливого голоса. Он отстёгивает ошейник Валентины и пристёгивает его к ручке чемодана.
– Делов-то! – довольно крикает он.
Потом полностью раскрывает чемодан и укладывает на траву.
– Сани поданы, – говорит дед. – Давайте сюда ваши баулы.
Он забирает у Муры плетёную корзинку, а у Гришки – рюкзак. А потом ещё убирает в чемодан свои сумки. Получается целый ворох вещей, зато руки теперь у всех свободны.
– В путь! – командует дед и тянет за ошейник.
Чемодан скользит по траве неохотно, натывается на торчащие из земли корни деревьев. Гришка подталкивает его, задаёт нужное направление.
– Совсем испортите! – причитает бабушка. – На нём и так живого места нет.
– Раз живого места нет, зачем переживать? – отмахивается дед.
– Так обратно через две недели ехать! Куда мы вещи сложим?
– Мы же хотели чемодан в деревне оставить! – совсем некстати вспоминает Гришка.
Бабушка многозначительно на него моргает. Дед смеётся.
– Чья корова бы мычала, Зина, а твоя бы ворчала.
Скоро показывается деревня. Чемодан выезжает на неровную дорогу, трясётся по колдобинам. Но героически едет.
Самый крайний дом принадлежит бабе Варя. У бабы Вари два зуба: один сверху и один снизу. От этого баба Варя очень страдает. Денег на протезы нет, а поговорить охота. Но с беззубым ртом особо не поговоришь – вместо слов получается одно шамканье. Поэтому баба Варя молча провожает глазами чемодан на ошейнике. У бабы Вари взгляд говорящее слов.

– Здорово, Егорыч, – выходит к ним председатель сельсовета. – Я смотрю – бурлаком заделался.

Что такое бурлак, Мура не знает. Но на всякий случай за деда обижается. Бабушка выступает вперёд, чтобы поставить на место председателя, но не успевает ничего сказать. Потому что в следующую секунду раздаётся такой нестерпимо громкий вой, словно одновременно заработали пятьсот электрических пил. Не успевают все обернуться на этот чудовищный звук, как из соседнего двора вылетает блестящий чёрный агрегат. У агрегата зверский вид и торчащая вверх ручка. На конце ручки болтается дед Макар, которого все зовут Николаичем.

– Поооберегиииись! – клацает зубами Николаич, тщетно пытаюсь справиться с взбесившимся агрегатом. Но куда там! Агрегат, свирепо рыча и набирая скорость, летит на людей. Ещё немного – и врежется в них!

Но тут просыпается бабушка. Она отталкивает в одну сторону Муру с Гришкой, в другую деда с председателем, опрокидывает вещи из чемодана и с хэканьем кидает его в агрегат.

Чемодан, описав короткую дугу, врежется Николаичу в лоб. «Поберегись» захлёбывается на полуслове. Сражённый коварным ударом, Николаич замолкает и аккуратно падает на землю. Зато пристёгнутый к чемодану ошейник каким-то удивительным образом цепляется свободным концом за ручку рычащего агрегата. И тот, бешено завывая, мчится по деревенской дороге дальше, волоча за собой грохочущий чемодан. Баба Варя по пояс вылезает в окно. Сегодня она побивает все мировые рекорды по выразительности взгляда.

Вдруг из двора Николаича выбегает какой-то мужчина. Муре сначала кажется, что это белобородый старик. Но потом она понимает, что лицо мужчины покрыто пеной для бритья. Пена от бега лезет в рот и в глаза. Не обращая на это внимания, мужчина мчится за агрегатом и исчезает за поворотом. Через секунду вой обрывается и воцаряется звенящая тишина.

– Догнал, – говорит Николаич. Все оборачиваются на него. Он сидит посреди дороги и осторожно шупает ссадину на лбу.

– Легко отделался, – рассматривает ссадину председатель. – А ведь мог без головы остаться!

– Что это было? – отмирает, наконец, бабушка.

– Сын вчера подарок привёз. Эту, как её. Газонокосилку. Ну я решил включить. Видно, не на ту кнопку нажал.

Из-за поворота показывается сын Николаича дядя Илья. Он катит перед собой подозрительно тихую газонокосилку и тащит многострадальный чемодан. Баба Варя выходит к нему с вышитым рушником, показывает жестами – утри лицо.

– Спасибо, не надо, – говорит дядя Илья. – Пойду, добреюсь.

Баба Варя мелко кивает. Смотрит на него как на героя войны.

У Николаича лицо нашкодившего ребёнка.

– Надо было сначала инструкцию прочитать, да? – заискивающе заглядывает он сыну в глаза.

– Надо было, – говорит дядя Илья, вручает Гришке чемодан и катит дальше газонокосилку.

Дед с бабушкой загружают вещи обратно в чемодан. Председатель молча отгоняет Валентину от своего крыжовника. Пока никто не видел, Валентина подъела проплешину в кустарнике. В другое время председатель полез бы скандалить, но сейчас не решается. Его останавливает чемодан. Он видел, как метко кидается им бабушка. Поэтому он отгоняет Валентину в сторону и уходит в дом.

– Вот это даааа! – У Гришки от возбуждения горят щёки и блестят глаза.

– Вообще! – соглашается Мура.

Глава 7

Пострадавший Николаич

На следующий день оказывается, что у Николаича сотрясение мозга. Диагноз ему Вера Самсоновна поставила. Она раньше преподавала в школе биологию. Больница в райцентре – не наездишься. Вот и бегают вся деревня к Вере Самсоновне за лечением. Потому что биолог, хоть и бывший, плохого не посоветует!

Бабушка, как узнала про сотрясение, тут же замесила тесто для яблочного пирога. Пока тесто доходило, она маялась совестью.

– Не переживай, – подбадривает её дед. – Ты же не специально.

– Конечно, не специально! – возмущается бабушка. – Если бы специально, он сотрясением мозга не отделался бы!

Когда пирог испёкся, она заворачивает его в фольгу, берёт в секунданты мужа с внуками и идёт проведывать больного.

Сын Николаича колет дрова. При виде гостей откладывает топор, подходит поздороваться. Протягивает руку деду, потом – Гришке. Гришка не ожидал, что с ним как со взрослым поздороваются, потому смущается. Но руку пожимает.

Мура впервые видит, чтобы бабушка так волновалась. Она суетится, хмыкает, бубнит себе что-то под нос.

– Как отец? – спрашивает наконец.

– Нормально.

– Лечится?

– Лежит. Велел кровать в гостиную перенести и поставить стратегически правильно, ногами к выходу.

– Зачем???

– Чтобы видеть, кто пришёл.

Гришка остаётся складывать дрова в поленницу, а Мура с бабушкой и дедом идут к пострадавшему.

– Здравствуйте, не вижу кто! – подаёт голос Николаич, когда они входят в дом.

Кровать действительно стоит в центре комнаты. Николаич лежит на высоких подушках с пластырем на лбу и, не моргая, смотрит на деда, бабушку и Муру.

– Так это же мы! – фальшиво бодрым голосом отвечает дед и выставляет вперёд пирог в фольге. – Не узнаёшь, что ли? Вот, проведать тебя заглянули.

– Чемодан не забыли?

– Могу сбегать, – рявкает бабушка.

– Андреевна, я смотрю, ты мириться пришла? – сощуривается Николаич.

– Вот и не нарывайся, раз мириться пришла, – сбавляет тон бабушка и направляется на кухню – ставить чайник. А дедушка остаётся разговаривать с больным.

– Просыпаюсь с утра – вокруг всё фильдеперсовое, – принимается за рассказ Николаич.

– Да ну! – удивляется дедушка.

– Дык! Аж в глазах рябит. И голова кружится. Растолкал Илью, отправил за Верой Самсоновной. Та поглядела меня, пульс пощупала. Сотрясение!

– А как определила?

– Так и определила. Лечение назначила хорошее – покой и здоровый сон. Пей, говорит, народные успокоительные средства...

– Это какие? – оживляется дед.

– Не те, что ты подумал. Мята, валерьянка, зверобой.

– А!

– Ну. Ешь, говорит, каши на молоке. И, это... – Тут Николаич переходит на шёпот: – Никакой соли.

Он прикладывает палец к губам, достаёт из-под подушки пакетик с солёными сухариками, отсыпает себе в рот половину и воровато хрустит ими.

– Николаич! – крикает дед.

– Я без соли жить не могу! – вздыхает Николаич.

Мура понимающе кивает. Она тоже не очень представляет, как можно жить без соли.

– Только не выдавайте меня сыну, – просит Николаич. – А то он в больницу меня отвезёт. Страсть как не хочется в палате лежать.

В комнату вливается бабушка. Несёт на подносе чай и пирог.

– Чай с мятой, успокаивающий, – поясняет она. – Сахар не положила, потому что пирог сладкий.

– Я несладкий чай не пью, – сварливится Николаич.

– Ладно, сейчас – Бабушка разворачивается и уходит на кухню.

– Сахар в баночке с надписью «Горох», – кричит ей Николаич.

– А чего не «Мука»? – язвит бабушка.

– Потому что в баночке «Мука» пшённая крупа.

Пока бабушка размешивает сахар, Николаич быстро доедает сухарики. Протягивает пустой пакетик деду:

– Выкинь потом, будь другом.

– Ладно.

Бабушка возвращается через минуту:

– В постели будешь есть или, может, встанешь?

– Вера Самсоновна велела лежать.

– Тогда хотя бы сядь.

Николаич садится, разглаживает на коленях одеяло.

– Давай сюда поднос.

Бабушка делает шаг вперёд, спотыкается о неровную половицу, теряет равновесие, но каким-то чудом удерживается, не падает на Николаича. Чашка с чаем опрокидывается на пирог, брызгает веером горячих капель. Бабушка, удерживая на весу поднос, бежит вперёд, огибает дугой кровать, пролетает мимо зажмурившейся от ужаса Муры и окаменевшего деда... и скрывается на кухне.

Через секунду оттуда раздаётся её голос:

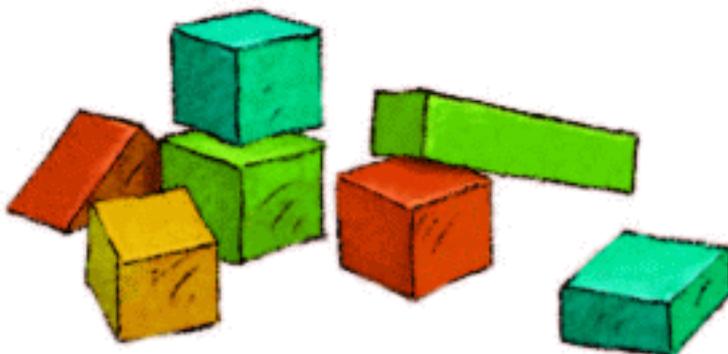
– Пошли отсюда, пока я его в Могилёву губернию не отправила!

Дед встаёт, пряча глаза, протягивает руку:

– Бывай.

Николаич молча пожимает ему руку.

Ушли не оборачиваясь.

Глава 8 Грибной день

Теперь Мура знает, что означает выражение «отправить в Могилёву губернию». Так в деревне называют кладбище.

– Бабуль, а бабуль, – уткнувшись носом в мягкий бабушкин бок, бормочет она, – а если бы ты ошпарила чаем Николаича?

– Бегал бы тогда Николаич как ошпаренный.

– А если бы он вдруг от этого умер, то отправился бы в Могилёву губернию?

– Умрёт он, как же! – зевает бабушка. – Знаешь какой он у нас живучий? Однажды в продуктовый завезли некачественных консервов. Вся деревня от этих консервов слегла. И лишь Николаичу хоть бы хны. Даже не отравился.

– Ого! – шепчет Мура.

– Ну да. Так что насчёт Николаича ты не переживай. Век проживёт и глазом не моргнёт.

– Главное, чтобы ты ему моргать не мешала, – подаёт голос дед.

Мура с Гришкой хихикают. Бабушка сердито ворочается с боку на бок.

– Спице лучше, завтра рано вставать, – наконец говорит она.

Дед лежит в своей кровати и светится от счастья, словно включённый ночник. Никто не пинается, локтями не пихается. На половице, подложив под голову руки, дремлет в мягком спальном мешке Гришка. В окно заглядывает луна. Отсчитывая время, глухо тикают старые часы. Спать осталось недолго. С утра по грибы.

Не успевает петух Сергеич завести своё «кукареку», как вся семья выходит на крыльцо. Мура вдыхает полной грудью утренний воздух. Хорошо!

В руках у Муры лукошко. У деда с Гришкой тоже лукошки. А у бабушки плетёная корзинка. А ещё у деда рюкзак с припасами. Чтобы было чем перекусить, когда проголодаются.

Мура очень волнуется. Это её первый поход по грибы. Раньше её не брали, потому что она была маленькая. А сейчас уже подросла.

В лес собрались с бабой Варей. Она уже ждёт на крыльце своего дома. У бабы Вари вместо лукошка большое эмалированное ведро.

– Не погорячилась? – спрашивает дед.

Баба Варя неопределённо пожимает плечом. А потом идёт им навстречу, гремя ведром.

Мура смотрит на неё с сочувствием. Надо же, как грустно быть беззубой: даже на вопрос не ответишь. Баба Варя роется в кармане, достаёт две карамельки, одну протягивает Муре, а вторую – Гришке. Гришка хрустит угощением так, что уши закладывает.

– Спасибо, – говорит Мура и убирает конфету в карман.

– Спасибо, – спохватывается Гришка.

В лесу тихо, только ветер шумит в ветвях.

– Главное, не отставайте! – в сотый раз повторяет бабушка. Она боится, что Мура с Гришкой заблудятся.

– Не отстанем, – успокаивает её Мура.

Дети по примеру взрослых заглядывают под кусты, переворачивают листочки и раздвигают траву палкой.

– Сейчас грибы должно быть хорошо видно, потому что нет косых солнечных лучей, – объясняет дед. – Да и роса выпала обильная, от влаги грибная шляпка блестит и далеко заметна среди травы.

– А посмотри-ка, Мурочка, чего это там такое? Никак не разгляжу, – щурится бабушка.

Мура нагибается, аккуратно раздвигает травинки, чтобы высвободить сероватую круглую шляпку.

– Вот наша девочка и нашла свой первый гриб, – радуется бабушка. – А ну-ка, давай рассмотрим его. Ага, ножка шероховатая, покрыта чешуйками, на срезе цвет не меняет. Значит, кто это у нас?

– Кто? – затаила дыхание Мура.

– Подберёзовик! Будешь ты, золотко, высокая и тоненькая, как берёзка.

Мура укладывает гриб на дно лукошка, любуется им.

– Гришка, какой у тебя был первый гриб? – спрашивает у брата.

– Поганка, – отвечает Гришка. – Это ядовитый гриб. Но дед сказал, что ядовитые грибы несчитово. И нашёл мне взамен лисичку.

– Ты будешь хитрый, как лисичка? – спрашивает Мура.

– Наверно, – шмыгает носом Гришка.

Грибов в лесу видимо-невидимо. Скоро ведро бабы Вари и все лукошки наполняются до краёв подберёзовиками и подосиновиками. Правда, съедобные грибы попадают только взрослым. Гришке с Мурой почему-то везёт исключительно на мухоморы.

– Ничего, – утешает их дед. – Это от невнимания. Чуть повзрослеете – и научитесь собирать правильные грибы.

Бабушка срывает большую сыроежку и нанизывает её на ветку дерева.

– Это перезрелый гриб. Он подсохнет, споры, то есть семена, разлетятся с ветром в разные концы леса, и из них вырастут новые сыроежки.

Мура представляет, как семена разлетаются по лесу, как потом из них вырастают маленькие грибочки.

– А как же маленькие грибочки без родителей живут? – расстраивается она.

Бабушка гладит Муру по щеке:

– Вот ты с мамой сейчас как общаешься?

– По телефону.

– А у грибов вместо телефона ветер. Он носится туда-сюда и передаёт разговоры. Так что не переживай, грибочки без родителей не останутся.

– Это хорошо – утешается Мура.

Гришка топчется возле рюкзака с припасами.

– Есть когда будем? – хлопает он себя по животу. Живот отзывается недовольным урчанием.

– Прямо сейчас и будем. Сядем на пенёк...

– И съедим пирожок! – подхватывают дед с Мурой.

Бабушка вытаскивает из рюкзака термос, бутерброды и пирог. Баба Варя крошит себе пирог в чашку с чаем. Ест, когда он отмокает.

Мура следит за ней во все глаза. Она никогда не видела, чтобы люди ели мокрый пирог.

– Зубов нет, вот и выкручивается как умеет, – говорит дед.

Баба Варя улыбается, мелко кивает. У неё морщинки по всему лицу и слёзы в уголках глаз.

– А сколько стоит сделать протез? – спрашивает вдруг Гришка.

– Много, – крикает дед. – Бабе Варе протезы не по карману. Да и нам, если честно, тоже. Просто мне с вашей бабушкой повезло с зубами. А вот бабе Варе – нет.

Гришка откладывает в сторону бутерброд, принимается рассматривать свои руки. Мура настораживается. Если Гришка рассматривает свои руки, значит, что-то задумывает.

– Ты чего? – спрашивает шёпотом Мура.

– Да так – отмахивается Гришка.

Домой возвращаются задумчивые. Мура идёт рядом с Гришкой, заглядывает ему в глаза. Гришка хмурится, делает вид, что не замечает её взглядов. И о чём-то напряжённо размышляет.

Глава 9

Шахматная партия

Бабушка сразу же принимается перебирать грибы. Эти на засолку, а те для готовки. А дед собирается к Николаичу:

– Пойду в шахматы с ним поиграю. Помогу собрать в кучу сотрясённые мозги.

Гришка с Мурой увязываются за дедом. В гостях интереснее, чем дома. Да и с бабушкой особенно не поговоришь – когда она работает, лучше её не отвлекать.

По дороге Гришка расспрашивает про бабу Варю. Как так получилось, что ей не на что даже зубы сделать.

– Пенсия копеечная. Еле на еду и на лекарства хватает, – объясняет дед.

– А помочь ей некому?

– Почему некому? У неё дочь, внуки. Вот только уехали они за границу и забыли о бабе Варе. Не пишут, не звонят. И денег не присылают.

Дед вздыхает, хмурится. Но потом, видя, как расстроились дети, спохватывается:

– Ничего, прорвёмся. У бабы Вари куры, огород. Да и мы её не бросаем. То продуктов принесём, то из одежды чего-нибудь. Вы не думайте, она не одна. Мы рядом.

Мура шмыгает носом. А Гришка молчит. И рассматривает свои руки.

Двор Николаича пустует. Из распахнутых окон доносятся громовые раскаты храпа.

– Вот ведь храпоидол! – смеётся дед.

Он осторожно заглядывает в гостиную. Николаич лежит посреди комнаты в кальсонах и вязаных носках и храпит так, что лампа на потолке качается маятником. А занавески на окнах колышутся как от сквозняка.

– Николаич!

– Ась? – открывает глаза Николаич. И мигом пугается: – Ты один пришёл или мне каску надевать?

– Один – успокаивает его дед. – Только с внуками.

– Главное, что не с Андреевной, – утихает Николаич.

– А где Илья?

– В город поехал. Жену и ребёнка с курорта встречать.

– Курорт – это хорошо.

Мура с Гришкой наблюдают, как дед раскладывает на шахматной доске фигуры.

– Храпел? – спрашивает Николаич.

– Это как посмотреть. – Дед ставит доску так, чтобы белые фигуры достались Николаичу. – Если сравнить с твоей новой газонокосилкой, то спал как мышь. А если сравнить с нормальным человеком...

– Е2-Е4! – поспешно делает ход Николаич.

– А мы тебе конём пойдём! – крикает дед. – Чем крыть будешь?

– Чем надо, тем и буду, – хорохорится Николаич.

Мура решает вступить в разговор:

– А мы с утра за грибами ходили. С бабой Варей.

– Много набрали?

– Много. Три лукошка. И немного рюкзака.

– А баба Варя целое ведро собрала, – добавляет Гришка.

– Хэх, бедная баба Варя, – вздыхает Николаич, – грибов соберёт, а одна съест не может. Ходит потом по деревне, угощает всех.

Николаич провожает скорбным взглядом пешку, которую дед взял ладьёй. Недолго раздумывая, делает ход. Лишается ещё одной пешки.

– Егорыч! – возмущается он. – Это как понимать?

– А чего тут понимать? Мат тебе! Примите и распишитесь! – И дед со стуком ставит чёрного ферзя напротив белого короля.

Николаич переводит взгляд с одной шахматной фигуры на другую, а потом на деда.

– Какой такой мат? – взрывается он. – Ну-ка, убирай своего фёрзя обратно откудова взял! Ишь, завёл привычку жульничать!

– Вот те на! – разводит руками дед. – С чего это я жульничаю?

– А то я тебя первый день знаю! Да у тебя рожа такая – в три дня не оплюёшь!

– Николаич!

– Егорыч!

Гришка встаёт, дёргает Муру за руку:

– Пошли.

– Вы куда? – отвлекаются от перепалки дед с Николаичем.

– Погулять.

– Ладно, только далеко не ходите.

Из окон теперь вместо храпа раздаётся шум ссоры. Гришка заговаривает, когда они с Мурой отходят от дома на такое расстояние, чтобы можно было слышать друг друга:

– Я придумал, что делать. Нужно папе позвонить.

– Зачем?

– Попросить, чтобы он бабе Варе протезы привёз. У папы точно денег на них хватит.

Мура смотрит на брата с восхищением. Надо же, какой он у неё умный!

– А кто будет на дерево взбираться? – спохватывается она.

– Кто-кто. Председатель!

В деревне очень плохая телефонная связь. Дед говорит – это оттого, что дома находятся в низине, посреди леса. Единственное место, откуда хорошо ловит телефон, – это большой дуб за участком председателя. Так что, если нужно срочно позвонить по мобильному, все прибегают туда.

Председатель прислоняет к дереву лестницу и поднимается на самую верхнюю ступеньку. Иногда этого бывает достаточно, а иногда приходится карабкаться по дубу выше. Это когда телефонная связь совсем плохая. Председатель набирает номер, а снизу ему подсказывают, чего говорить в трубку.

Муре с Гришкой не очень хочется общаться с ним, особенно после истории с Валентиной. Но другого выхода нет.

– Убивают друг друга? – спрашивает бабушка, когда дети заглядывают домой.

– Кто убивает? – не понимает Мура.

– Ваш дед с Николаичем. У них ни одна игра в шахматы без ссоры не обходится.

– Убивают, ага, – кивает Мура.

Гришка незаметно забирает мобильный телефон бабушки, прячет в карман.

– Мы ещё немного погуляем и вернёмся.

– Валентину возьмите на выпас, – бурчит им в спину бабушка.

Идти к председателю с Валентиной глупо. Но бабушке перечить не хочется. Поэтому Гришка надевает на козу ошейник и выводит за калитку.

Председатель, обвязав спину мохеровым платком, косит обросший травой двор. Лицо у него такое, что хочется повернуться и незаметно уйти. Валентина при виде крыжовника расцветает от счастья. А председатель при виде Валентины мрачнеет, словно грозовая туча. Но молчит.

Гришка с Мурой с виноватым видом топчутся у забора, не решаясь подойти.

– Здрасьти, – наконец решается Гришка. – Мы позвонить. Папе.

– А взрослые знают? – шуруется председатель.

– Знают! – тренькает Мура.

– Это бабушка попросила, чтобы вы позвонили, – добавляет Гришка.

– А почему сама не пришла?

– Грибы перебирает.

– Ладно, идите к дереву, сейчас буду.

Дети торопятся на задний двор.

– И держите при себе козу! – повышает голос председатель.

Валентина разочарована. Ей хочется к крыжовнику, но ошейник не даёт. Она идёт за Гришкой и обиженно мемекает.

– Я тебе потом морковки дам, – гладит её по мордочке Мура.

Валентина кивает. Но глаз от крыжовника не отводит. Бабушка в таких случаях говорит – надежда умирает последней. Судя по неунывающему взгляду Валентины, надежда у неё бессмертная.

Глава 10

Кульбит председателя

Ждать приходится недолго. Скоро появляется председатель. Он забирает у Гришки телефон и карабкается вверх по деревянной лестнице.

– Чёрт бы побрал этот радикулит! – охает он через ступеньку.

Мура с Гришкой понимающе переглядываются. Они отлично знают, что такое радикулит. Это такая штука, которая не даёт взрослым разогнуть спину. Бабушка тоже часто от него страдает. И тоже, как председатель, обматывает спину кусачим мохеровым платком.

Председатель меж тем поднимается на верхнюю ступеньку лестницы. Пытается дозвониться, но ничего не получается – сигнала сети нет. Лезть выше с больной спиной ему не хочется.

– Может, отложим разговор на потом? – спрашивает он.

Гришка неопределённо пожимает плечом.

– Что-то совсем срочное? – уточняет председатель.

– Очень срочное! – горячо уверяет Мура.

Председатель, махнув рукой, перелезает с лестницы на толстую ветвь дуба. Потом с оханьем подвисает на другой ветви, перебирается выше. Теперь видно только его ноги – голова утопает в густой дубовой листве.

– Алё! – долетает до Муры с Гришкой его голос – Володя, это Самарин. Всё нормально, не волнуйся. По просьбе детей звоню. Мать просила кое-чего разузнать. Сейчас уточню.

– Что отцу сказать? – спрашивает председатель.

– Скажите, чтобы он бабе Варе протезы привёз! – голоса наперебой Гришка с Мурой.

Наверху наступает гробовая тишина. По ногам председателя не очень выразишь выражение его лица, но, судя по их неподвижности, – выражение каменное. И даже очень каменное.

– Володя, – наконец раздаётся его голос – Мать уточнить хотела, когда вы приезжаете. Через пять дней? Хорошо. Обязательно детям привет передам. Вот сейчас спущусь с дерева и передам.

Гришка с Мурой виновато молчат. Они уже поняли, что напортачили, но где именно – не знают. И теперь ждут, когда председатель спустится и всё им доходчиво объяснит.

Но председатель и не думает спускаться. Он стоит головой в листьях и только ногами странно переступает. Словно на уроке танца – приставной шаг вправо, потом влево. Потом чуть присядет и снова перебирает ногами.

– Дети! – наконец раздражённо кряхтит он. – Позовите сына Николаича. Пусть поможет мне спуститься, а то сам не справлюсь.

– Дядя Илья в город уехал!

– Ох ты ж Патрис Лумумба и Христофора Колумба мать! – говорит в сердцах председатель.

– Чивой? – переспрашивают дети.

– Деда, говорю, позовите!

Гришка летит к дому Николаича. Следом бежит Мура.

– Деееед! – врываются они во двор.

Война в доме мигом затихает. Через секунду в окно высовываются сразу две головы – деда и Николаича.

– Председатель на дубе застрял, спуститься не может, – тараторит Гришка.

– То есть как это застрял? Зацепился за сук?

– Нет, спина у него болит.

Дед с Николаичем переглядываются.

– От дундук с гвоздями! Разве с больной спиной лезут на дерево? – недоумевает Николаич.

– Ладно, пойду выручать – говорит дед.

– Я с тобой!

– Тебе лежать надо.

– Мне лучше знать, чего надо, а чего не надо!

Николаич торопится к выходу. В кальсонах и в шерстяных носках. Только кирзовые сапоги надевает. Дед, махнув рукой, идёт следом. С Николаичем, если он упрямится, лучше не спорить. Всё равно не переспоришь.

Председатель торчит на дереве, как перезрелый гриб. И молчит.

– Ну? – говорит снизу дед.

Председатель делает неопределённый жест ногой.

– И зачем ты на дерево с радикулитом полез? – не понимает дед.

– А вот затем и полез, – раздражается председатель. – Внукам твоим позвонить приспичило.

Дед оборачивается к Гришке с Мурой:

– Вы чего это затеяли?

– Мы хотели, чтобы папа бабе Варе протезы из Тюмени привёз, – бубнит Гришка.

Дед с Николаичем хохочут так, что кажется – сейчас лопнут от смеха.

– Ох! Ах! – хватается за бока дед.

– Протезы... Варе... Из Тюмени... – хлопает себя по коленям Николаич.

– А чего такого? – удивляется Гришка.

– А того! – передразнивает дед. – Протезы нельзя купить в магазине, их зубной врач делает.

– Пусть папа у врача купит. В Тюмени тоже, наверное, есть зубные врачи.

– Нет, так не делается. Сначала ты приходишь к врачу, тот берёт у тебя мерки и по этим меркам делает протез. Ясно?

Гришка с Мурой расстроено переглядываются.

– Мне долго тут проветриваться? – кричит сверху председатель.

Дед с Николаичем тут же вспоминают о нём. После недолгого совещания дед лезет на лестницу, чтобы помочь председателю спуститься. Но ничего не выходит. Видимо, тот здорово повредил спину, когда подвис на дереве. И теперь у него получается только стоять, вцепившись руками в ветку. И моргать.

– Может, ему верёвку передать? – предлагает Николаич.

– Чтоб повесился и дело с концом? – интересуется дед.

– Я вам дам шутить! – возмущается председатель.

– Обвяжешь его верёвкой, потихоньку спустишь вниз, а я тут...

– А если не удержу? Весит-то он будь здоров!

– Лучше ему ноги верёвкой обвязать, – загорается Гришка. – И пусть прыгает вниз, как с тарзанки!

– Не буду я прыгать! – закипает председатель.

Мура тоже хочет советовать. Она дёргает Николаича за руку:

– А если с зонтом полететь? Как Винни-Пух в мультике!

Николаич хекает:

– Деточка, жизнь – не мультик. Спрыгнешь с зонтом – больно расшибёшься.

– Жаль, – вздыхает Мура.

– Я придумал! – подсказывает Гришка. – Надо дерево срубить!

– Патрис Лумумба и Христофора Колумба мать! – раздаются сверху причитания.
Дед спускается по лестнице.

– В крайнем случае можем подождать, пока Илья из города вернётся.

– А когда он вернётся? – спрашивает с надеждой председатель.

– Поздно вечером – докладывается Николаич.

Председатель булькает и горестно затихает.

– Ладно, Гришка, беги к бабушке, попроси у неё верёвку, которую мы про запас для колодца держим, – велит дед.

Гришка летит домой что есть мочи. Возвращается с бабушкой. На локте у бабушки болтается моток верёвки.

– Чего это вы тут затеяли? – спрашивает она.

– Да вот! – показывает пальцем вверх дед.

Бабушка молча рассматривает торчащие из густой листвы ноги председателя.

– Так, – говорит она. – Ты, Ваня, взбирайся наверх и обвяжи его крепко верёвкой. Прямо под мышками обвяжи. Потом перекинь верёвку через ветку дерева и спусти нам её конец. Мы с Николаичем будем медленно спускать председателя, а ты придерживай его на всякий случай.

– Андреевна, ну ты и голова! – восхищённо цокает языком Николаич.

– Я бы на твоём месте про голову молчала, – многозначительно говорит бабушка.

Дед обвязывает председателя, кидает вниз верёвку. Бабушка, Гришка и Николаич вцепляются в неё.

– Давайте! – командует дед.

Верёвка натягивается до упора, охающий председатель повисает в воздухе и медленно плывёт вниз. Бабушка отматывает верёвку, а Николаич с Гришкой, пыхтя от натуги, придерживают её. Мура, затаив дыхание, наблюдает за председателем. Тот смотрит себе строго под ноги, чтобы ни с кем не встретаться взглядом, и тихонечко качается туда-сюда.

Но вдруг он поднимает глаза.

– А-а-а! – раздаётся его возмущённый крик. – Проклятая коза!

Мура смотрит туда же, куда и он, и холодеет. Пока все были заняты спасательными работами, Валентина времени даром не теряла. И теперь крыжовник председателя лысый как коленка. Ни одного листочка. Только колючки торчат.

– Я убью её!!! – орёт председатель.

– Сейчас обратно на дерево вернём! – прикрикивает на него дед.

Председатель умолкает. Через минуту он уже на земле. Николаич отвязывает верёвку, и они с дедом уводят его в дом – укладывать в постель.

– Вечером ба-аньку зато-опим, по-о-парим тебя, спина станет но-овенькой, – как маленького, уговаривает председателя Николаич. Тот всхлипывает и невнятно мычит.

Бабушка с Гришкой и Мурой уводят домой Валентину.

– Вот ведь зараза, – ругает по дороге бабушка козу, – кругом столько травы, а она только председателей крыжовник жрёт!

Валентина на слова бабушки не обращает внимания. Она вышагивает по неровной деревенской дороге и весело вздрагивает ушами. У Валентины сегодня праздник, аж именины сердца. Крыжовенного листа она наелась на год вперёд.

Когда отдышались, бабушка усадила всех за ужин. Кормила густым грибным супом, поила чаем с малиновым вареньем. Николаич быстро доел суп и протянул тарелку за добавкой:

– Андреевна, положи больному ещё.

Бабушка налила ему вторую порцию супа.

– Это кто больной? Ты, что ли? – прищурилась она.

– А то!

– Больной, без памяти ешь!²

Председатель после баньки ожил и даже расцвёл. Обмотанный по самые подмышки мохеровым платком, он уплетал бутерброды с вареньем, запивая их успокаивающим чаем с мятой.

Сергеич ревниво следил за ним с забора, а Валентина благоразумно пряталась в курятнике. От греха подальше.

Потом гости засобирались по домам, и дед с Гришкой пошли их провожать. Сначала уложили в постель председателя, а потом – довольного Николаича.

И теперь Мура с дедом сидят на крыльце и провожают закат. Бабушка возится с грибами – нанизывает их на суровую нить, чтобы засушить на зиму. У Гришки второй ужин. Он пьёт чай с остатками пирога. Жуёт так, что слышно на крыльце.

– Поешь и иди спать, – ворчит бабушка.

– Угум, – отзывается Гришка. – Если быстро заснуть, снова не проголодаюсь.

– Вот ведь прорва! И куда всё съеденное уходит? Худющий как скелет, только руки в длину растут.

– Вот в руки и уходит!

– Нет чтобы в мозги.

– Надо по порядку. Сначала – руки, потом – мозги.

Дед с Мурой тихо хихикают. Мура прижимается ухом к груди деда, затихает. Потом растопыривает пальцы, сгибает мизинец:

– Было пять дней, один прошёл. Осталось четыре. Через четыре дня мама Тоня с папой Володей возвращаются.

– Соскучились – вздыхает дед.

– Соскучились – отзывается эхом Мура.

Вдруг сердце превращается в надутый до упора воздушный шар. Давит на бока, болит. Мура ёрзает на коленях деда, прижимается к нему сильнее.

– Дед, а дед, – шепчет. – А представь, если бы мама Тоня не познакомилась с папой Володей? Тогда бы у меня не было ни тебя, ни бабушки, ни Гришки...

У Муры обрывается голос.

Дед говорит «чшшшшшш», гладит её по волосам:

– Хорошо, что они познакомились, да, Мурочка?

– Хорошо.

Солнце, мигнув последним лучом, уходит за горизонт. Мура сидит у деда на коленях и не отрывает взгляда от края неба.

² Так в деревнях говорят о людях, которые только притворяются больными.

Глава 12

Вадька

Внука Николаича зовут Вадька. Он громкий и смешной. Потому что: раз – у него конопушки по всему лицу. Два – он недавно научился говорить и от этого даже во сне разговаривает (остановиться не может). И три – у него густые льняные кудри.

– Каждая кудря как пружина – восхищённо цокает языком Мура.

– Не кудря, а кудри – поправляет бабушка.

– А одна такая штука как называется? – Мура аккуратно тыкает в завиток Вадькиных волос. Вадька слушает, растопырив глаза.

– Локон.

Мура озадаченно умолкает. Странно всё-таки устроен русский язык. Почему одна нога – две ноги, но один локон – две кудри? Надо потом у бабушки спросить.

Они сидят за круглым столом в доме Николаича и угощаются ореховыми пирожными, которые привезли с отдыха Вадька и его мама тётя Наташа.

Тётя Наташа похожа на царевну Забаву из мультика «Летучий корабль». У неё пышные длинные волосы и васильковые глаза. Муре хочется крепко её обнять, но она этого не делает, стесняется. Муре кажется, что, если обнять чужую хорошую маму, тоска по своей маме отпустит.

Кровать Николаича убрали в спальню. Потому что сотрясение мозгов у него прошло, и лежать в постели уже не надо. Николаич счастлив – можно хрустеть солёными сухариками сколько влезет. И запивать их чем душа пожелает. А не успокаивающим настоем трав.

Баба Варя макает в чай ореховое пирожное и ест, когда оно совсем отмокнет. Вадька старательно повторяет за ней. Размазывает пирожное по лицу, смешно гримасничает, пытается его слизать. Тётя Наташа всплёскивает руками:

– Вадик! Некрасиво себя так на людях вести!

– А де да людях мождо? – гундосит Вадик, пока тётя Наташа утирает ему лицо салфеткой.

– Нет!

– А когда мождо?

– Никогда!

Бабушка беззвучно трясётся плечами – смеётся. Баба Варя прячет лицо в ладони. А Мура просто тает от нежности – такой хороший у тёти Наташи Вадька!

Дядя Илья, дед, Гришка и Николаич во дворе. Ушли разбираться с машиной.

– Еле доехали до деревни, – жаловался дядя Илья, свирепо запивая ореховые пирожные чаем. При этом выражение лица у него было такое, словно пирожные – его личные враги. И от того, сколько он их съест, зависит не только его будущее, но и будущее всей планеты Земля.

– Разберёмся! – обещает дед.

Дед о машинах знает всё, хотя своей у него так и не случилось. Просто он всю жизнь выписывал журнал «За рулём» и читал его от корки до корки. На мансарде целые пыльные залежи этих журналов. При каждой уборке бабушка порывается их выкинуть, но дед не даёт.

– Только через мой труп! – твёрдо говорит он.

– Этот человек меня с ума сведёт! – ругается бабушка, но журналы не выкидывает.

И теперь мужчины собрались под капотом машины дяди Ильи и решают, что с ней не так. А баба Варя, тётя Наташа, бабушка и Мура сидят за столом и обсуждают последние

новости. История с председателем смешит тётю Наташу до слёз, а баба Варя, узнав, что Мура с Гришкой хотели попросить у папы протезы, плачет от умиления.

– Вообще-то, – задумчиво говорит тётя Наташа, – для бабы Вари должны быть какие-то льготы, разве нет?

– Какие льготы? – спрашивает бабушка.

– Я не знаю. Нужно у председателя уточнить. В конце концов, он затем и возглавляет сельсовет, чтобы проблемы одиноких стариков решать.

– Решит он, а как же, – хмыкает бабушка. – Он даже вопрос с очисткой пруда не решил. Всё твердит – нет средств, нет средств. Откуда он Вале деньги на протезы найдёт?

– Но так ведь тоже нельзя, – печалится тётя Наташа.

Бабушка с Мурой тоже огорчаются. А баба Варя улыбается им беззубо и делает успокаивающий жест рукой – всё в порядке.

Вадька бегаёт кругами и стреляет из игрушечного пистолета:

– Пиу-пиу-пиу!

– Может, ты ещё поешь? – спрашивает у него тётя Наташа.

– Я даелся!

– Как ты мог наесться? Размазал пирожное по лицу, и всё.

– Баб! – притормаживает Вадька. – Я завтда уже ел!

– Не завтра, а вчера. И не ел, а сидел над тарелкой и громко вздыхал.

Вадька громко вздыхает. И переводит разговор на другую тему:

– Баб. А что дакое стдада?

– Страна? Это много городов и деревень вместе взятых.

– А что дакое «вмесде взядых»?

– Если всё собрать в одном месте, будет называться «вместе взятых».

– А что дакое «в одном месде»? – оживляется Вадька.

– Вот ты игрушки свои складываешь в коробку? – терпеливо объясняет тётя Наташа.

– Если дугаешься – складаываю.

– Это и называется «в одном месте».

– Баб! А что дакое «дазываедся»? – не понимает Вадька.

Тётя Наташа закатывает глаза:

– Сыночек. Давай ты хотя бы две секунды помолчишь, а?

Вадька кивает. Поднимает пистолет, целится в Муру. Приговаривает шёпотом «пиу-пиу-пиу». Мура делает вид, что её пристрелили, хватается за сердце и откидывается на спинку стула.

– Баб, – победно говорит Вадька. – А что дакое «дбе секунды»?

Глава 13

Визит в сельсовет

Сельсовет расположен в крохотном деревянном доме. Если подняться на цыпочки, можно увидеть, что творится внутри.

Председатель сидит за письменным столом и внимательно читает какую-то важную бумагу. Спину держит так, словно ему степлером пристегнули друг к другу лопатки. Напротив сидит кругленькая тётчка с оранжевыми губами и, высоко задрав нарисованные карандашом брови, считает на калькуляторе. А потом заносит цифры в компьютер. Компьютер допотопный, большой и квадратный. Очень смахивает на телевизор «Рубин», который сто лет пылится на мансарде дедова дома и ничего, кроме паутины, не показывает.

Мура с Гришкой наблюдают за ними в окно. Валентина выгуливает неподалёку Вадьку. – Тпду! – ругается на козу Вадька и дёргает за ошейник. – Кому сказадо тпду?

Валентина, не обращая внимания на Вадькины отчаянные «тпру», трусит вдоль забора. Сегодня у Валентины игривое настроение, ей хочется побегать. Вадьке приходится трусить следом, потому что тормозить козу ошейником он не умеет.

– Пошли? – спрашивает Мура.

Гришка громко сглатывает. Сразу видно – боится. Мура не боится. Просто трясётся поджилками так, что чуть ли коленками не стучит.

– Пошли, – наконец говорит Гришка. Мура зажмуривается и идёт следом. Коридор тёмный и недлинный, пахнет почему-то садиковой раздевалкой. На двери кабинета председателя табличка с указанием приёмных часов. Гришка на табличку не смотрит, сразу толкает дверь и заходит в комнату. Идущая следом Мура въезжает лбом ему в спину и лишь тогда открывает глаза.

– Так – говорит председатель.

Тётчка с оранжевыми губами отрывается от калькулятора и тоже смотрит на них. Глаза у неё большие, навывкате. И немного косят в разные стороны.

– Это кто к нам пришёл? – спрашивает она.

– Это мы пришли, – отвечает Мура. И уточняет: – Я и Гришка. Мой брат.

– Так! – повторяет председатель.

В комнате воцаряется тишина.

– Мы по поводу бабы Вари, – решается Гришка.

Председатель раздражённо выдыхает:

– Вы сговорились, что ли? С утра ваша бабушка с невесткой Николаича пришли, а теперь – вы! Нет у меня денег на протезы! Нет!

Мура с Гришкой переглядываются. Ну да, бабушка с тётей Наташей уже были в сельсовете. Вернулись расстроенные, сказали, что денег нет. А Гришка с Мурой решили просто так туда заглянуть. Мало ли, вдруг что-то за это время изменилось?

– Совсем нет денег? – уточняет Мура.

Председатель барабанит пальцами по столу:

– Поеду в город – поговорю. Может, выбью льготу на лечение бабы Вари.

Что такое льгота, дети не знают. Но слово им нравится. Оно приближает бабу Варю к заветным протезам.

– Спасибо, – говорит Гришка. – Мы пошли.

И дёргает Муру за руку.

– Привезите много льготов бабе Варе, ладно? – звонко просит Мура.

– Целую телегу прикачу – хмыкает председатель.

Мура с Гришкой, довольные, выходят на крыльцо. Вадька с Валентиной, порядком набегавшиеся, ждут их у калитки. Оба белёдые. Только Вадька кудрявый, словно током ударило, а Валентина прилизанная. Как будто её ведром воды облили.

Перед тем как уйти, Гришка с Мурой заглядывают в окно сельсовета. Тёточка с оранжевыми губами тыкает длинным ногтем в калькулятор. А председатель, тяжело дыша, читает важную бумагу. Держит он её почему-то вверх ногами. Наверное, ему так легче понять, что там написано.

Глава промежуточная В тот же день, спустя час

В центре бабы-Вариного двора стоит керосинка. На керосинке – круглый таз. В тазу варится грушевое варенье. Баба Варя осторожно снимает с варенья пенку, складывает на блюдечко. Мура с Вадькой макают в пенку горбушкой и ведут важные разговоры.

– Вот Вася Прохвостов раньше был плохим мальчиком – рассказывает Мура. – А потом стал хорошим. Знаешь почему?

– Почему? – спрашивает Вадька.

– Потому что я с ним о динозаврах поговорила!

Вадька чешет облупленный от загара нос.

– А если с председателем поговорить о динозаврах, он тоже стадед добдым? – спрашивает он.

Мура замирает с горбушкой у рта. Как можно было раньше об этом не догадаться?!

– Я сейчас! – Она откладывает в сторону хлеб и выбегает со двора.

Баба Варя пытается остановить её, но куда там! Пыль за Мурой вьётся столбом аж до самого сельсовета.

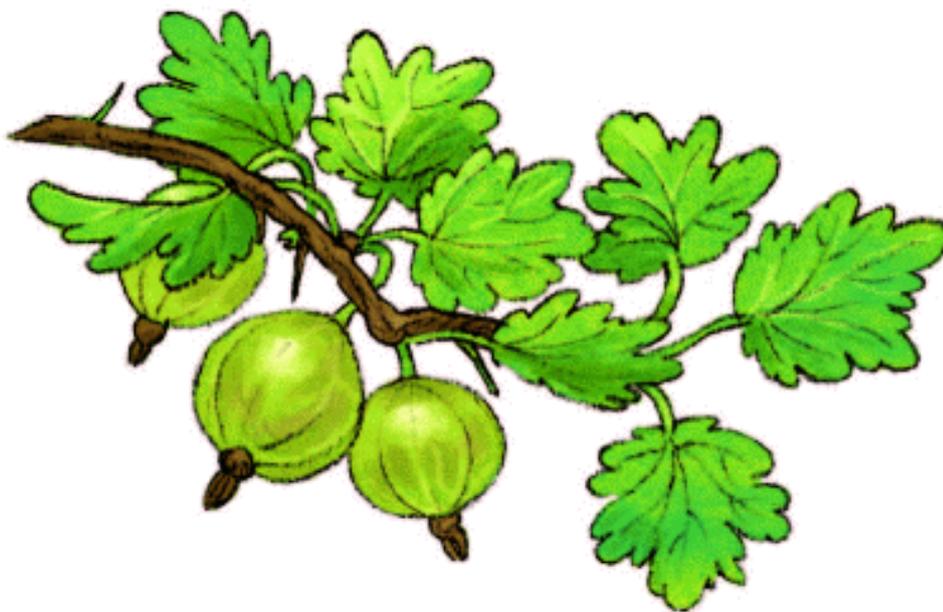
Нарисованные брови тёточки от удивления переползают на макушку. У председателя при виде Муры вырывается вздох нечеловеческого страдания.

– А вы знаете, кто самый страшный динозавр? – берёт быка за рога Мура.

Председатель сосредоточенно молчит. Тётчка, громко булькнув, ныряет под стол. Судя по оглушительному шуршанию, раздающемуся оттуда, она мнёт в непонятных целях большую картонную коробку.

– Ннну? – тоном бабушки поторапливает Мура.

– Я – сдаётся председатель. – Самый страшный динозавр – это я. Самарин Игорь Вячеславович.

Глава 14

Никогда

На следующий день бабушка с Мурой собираются к бабе Варе, чтобы помочь ей с вареньем. Его нужно закатать в банки, а у бабы Вари это не очень получается. По дороге заглядывают к Николаичу – поинтересоваться, как дела с машиной. У Николаича во дворе тарарам – куда ни глянь, везде лежат запчасти. Вчера машину разбирали, а теперь с боем собирают. Перемазанный маслом Гришка суется рядом – то ключ подаст, то плоскогубцы. Сейчас он выглядит даже счастливее, чем в тот день, когда узнал, что школа закрывается на карантин.

Баба Варя помыла банки и выставила их шеренгой на кухонном столе. Пока взрослые возятся с вареньем, Мура крутит колесо сломанной швейной машинки. Потом ей это надоедает, и она уходит в другую комнату. На тумбочке стоит фотография в пожелтевшей картонной рамке. На фотографии счастливая семья – папа и мама обнимают смеющуюся девочку. Девочка прижимает к груди большую куклу.

Мура идёт с фотографией к бабушке:

– Это кто?

Бабушка даже не оборачивается на неё:

– Поставь откуда взяла.

Мура недоумеует. С ней впервые разговаривают таким строгим тоном.

– Сейчас поставлю. Ты только скажи, кто на фотографии.

Баба Варя гладит Муру по голове.

– Шерёша – шамкает беззвучно.

– Кто?

– Серёжа. Муж бабы Вари. Он умер двадцать лет назад – торопливо объясняет бабушка. – А это баба Варя. Видишь, какая она тут молодая и красивая?

Мура не может поверить, что счастливая женщина на фотографии и старенькая баба Варя – один и тот же человек.

– Это вы? – уточняет она.

Баба Варя кивает.

– А кто эта девочка?

Бабушка забирает у Муры фотографию:

– Пойдём, поставим её на место.

– Она на тумбочке была, – подсказывает Мура.

Бабушка ставит фотографию на шифоньер:

– Ничего, пусть теперь здесь постоит.

Она садится на стул – старый стул жалобно скрипит.

– Мурочка, – говорит бабушка, – эта девочка – дочь бабы Вари.

Мура холодеет.

– Это она уехала в другую страну и забыла о бабе Варе?

– Да.

У Муры глаза словно умытые росой сливы. Она смотрит своими глазами-сливами на бабушку и шепчет:

– Я никогда от тебя не уеду. Я никогда тебя не брошу!

– Знаю, – говорит бабушка. – Знаю.

Глава 15

Патефон

У дедушкиного дома ставни жёлтого цвета. У дома Николаича – синего. У дома бабы Вари и у председателя сельсовета – белого.

А у Веры Самсоновны они пёстрые. Потому что Вера Самсоновна собственноручно расписывает ставни своего дома растениями. На первом окне – пастушья сумка и левкой. То бишь крестоцветные. На втором окне – снопы пшеницы и ржи. То есть злаковые. А на третьем – ромашки и астры. Из семейства сложноцветных.

Гриша, Мура и Вадька ходят от окна к окну и слушают рассказ Веры Самсоновны о растениях. Валентина, волоча за собой ошейник, гоняет по двору кур. Толик, привалившись боком к забору, лениво следит за ней. Только хвостом иногда помахивает. Для приличия.

– Надо же, – отвлекается от рассказа Вера Самсоновна. – Они словно поменялись ролями. Коза ведёт себя как собака. А собака – как коза.

– Они у нас такие, да, – соглашается Мура.

Гришка молчит, будто воды в рот набрал. Вера Самсоновна хоть и бывшая, но учительница. А при учительницах школьники чувствуют себя немного не в своей тарелке. Переживают, в общем.

Честно говоря, Гришка не горел желанием идти в гости. Отнекивался до последнего. Но Мура с Вадькой очень просили. Муре хотелось рассмотреть вблизи расписные ставни, а Вадька за компанию увязался. Вот и пришлось Гришке идти с ними в другой конец деревни. Не отпускать же одних.

Визит вежливости даётся ему с большим трудом. Гришка откровенно страдает. Марширует за Верой Самсоновной, словно жердь проглотил – не сгибая коленей. И руки по бокам как приклеенные держит. Только пальцами шевелит. Вера Самсоновна бросает на него удивлённые взгляды, а потом не выдерживает:

– Григорий, почему ты такой... ммм... напряжённый?

– Волнуется, – объясняет Мура.

– Зачем волноваться?

– Ну вы же учительница!

– Мхм! – говорит Гришка Муре.

– А чего сразу я?! – оправдывается Мура.

Гришка вращает на неё глазами.

– У боего бабы машина сломалась, – решает внести ясность Вадька. – Гришка сбодрел, как её разбидают. А теперь на вас смотдид.

– Ну да, – вздыхает Вера Самсоновна, – на разобранную машину смотреть интересней, чем на меня. Ладно, пошли, я вам кое-что покажу.

– Что покажете?

– А вот увидите! Только мне Гришина помощь будет нужна. Одна я не справлюсь.

Гриша скрипит нечленораздельное в ответ. Заходит в дом, словно на таран идёт – вперёд головой.

Вера Самсоновна усаживает Муру с Вадькой на диван. А Гришку подводит к шкафу с книгами:

– Нам с тобой нужно забрать с верхней полки вон тот чёрный ящик. Я сейчас попробую его достать, а ты взбирайся на стул и подстраховывай меня, ладно?

Гришка быстро взбирается на стул. Они с Верой Самсоновной в четыре руки стаскивают с полки ящик и ставят его на стол.

– Это чебодан? – спрашивает Вадька.

Действительно, ящик очень смахивает на чемодан. У него ручка, как у чемодана, и застёжка на боку.

– Не совсем, – говорит Вера Самсоновна и открывает ящик. Внутри какие-то непонятные штуки – одна круглая и плоская, вторая – продолговатая и металлическая. А ещё лежит загнутая трубочка с деревянной ручкой. Вера Самсоновна протягивает трубочку Гришке: – Вставь её в отверстие. Видишь, сбоку дырочка. Вот туда и вставляй.

Гришка быстро справляется с задачей. Он уже не стесняется и поэтому снова превратился в обычного вертлявого мальчика, к которому Мура привыкла.

Вера Самсоновна достаёт из картонной упаковки большой диск и аккуратно устанавливает его на круглую подставку.

– А теперь покрути ручку. Вот так. Нужно завести пружину двигателя.

Гриша, затаив дыхание, крутит ручку.

– Сейчас будет песня, – возвещает Вера Самсоновна, аккуратно поднимает продолговатую металлическую трубочку и ставит её иглой на диск. Диск медленно вращается.

«Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...» – сквозь шипение поёт далёкий мужской голос.

Мура с Гришкой сразу узнают любимую песню бабушки. Она её часто поёт – когда что-то готовит или когда отдыхает. Или когда едет на электричке в деревню. Диск крутится, песня звучит. Потом затихает.

– Что это такое? И как оно работает? – спрашивает Гришка.

– Это патефон. Я сейчас всё вам расскажу.

И Вера Самсоновна принимается объяснять про звукосниматель, алюминиевую мембрану, автоматический выключатель. Потом снова заводит диск и показывает, как можно регулятором ускорять и замедлять диск. Когда диск крутится медленно, голос у певца низкий и тягучий, а когда быстро – высокий и писклявый, словно мультяшный. Мура с Вадькой

хихикают, им очень смешно от того, как звучит песня на разных скоростях. А Гришка слушает внимательно, ему интересно.

Потом Вера Самсоновна поит детей чаем с земляничным печеньем. И рассказывает про свою семью. Оказывается, у неё в предках были русские и польские князья и княгини.

– А кто это дакие? – спрашивает Вадька.

– Князья и княгини? Аристократы. Они жили во дворцах, ездили в каретах, управляли страной.

– Вы тоже княгиня? – волнуется Мура.

– Нет. Я просто учительница. На пенсии, – вздыхает Вера Самсоновна.

Уходят гости задумчивые от впечатлений. Валентина скачет впереди, вздрагивая ушами. Рядом трусит Толик. У Вадьки в голове звучит песня про любовь, которая приходит, когда её совсем не ждёшь.

Мура думает о том, что если бы она родилась в прошлой жизни, то обязательно была бы княгиней. Ездила бы в карете, спала в замке с высокими башнями. И ходила бы в нарядных кофточках. Или в чём там ходили княгини из старых забытых веков.

А Гришка, отчаянно размахивая руками, повторяет про себя: «Алюминиевая мембрана, алюминиевая мембрана». Уж очень нравится ему, как звучат эти слова. И ещё он радуется тому, что переборол свою скованность перед учителями. Нормальные, оказывается, люди. Чай пьют, музыку слушают, на пенсию выходят. Надо же, кто бы мог о них такое подумать?

Глава 16

Мечты сбываются

На следующий день сын Николаича увозит бабу Варю в город. Машину, наконец, собрали, а запчасти, которые дед посчитал лишними, сложили кучкой в углу сарая. Чтобы кучка не мозолила глаза, заслонили её газонокосилкой.

Председатель сияет, как начищенный самовар. Вчера, после долгого, кровопролитного скандала в управе, он добился небольшой финансовой помощи для деревни. И теперь баба Варя может сделать себе протезы в муниципальной стоматологии.

Провожают её всей деревней. Николаич напялил парадный кожаный картуз. Тёточка из сельсовета накинула на плечи цветастую шаль. Вадька по случаю праздника тщательно расчесал свои кудри и превратился в одуванчик.

Баба Варя садится в машину, словно на трон восходит. Смотрит английской королевой, благосклонно кивает. Машина трогается в путь и, сигналив, скрывается за поворотом.

– Уважаю! – оборачивается к председателю бабушка.

Щёки председателя полыхают румянцем:

– Пустяки, Зинаида Андреевна.

– Раз пустяки, чего тогда раньше деньги не достал? – меняет милость на гнев бабушка.

Председатель обратно бледнеет.

– Сегодня сын с невесткой приезжают, – оттаивает бабушка. – Заходи после работы, стол накроем, посидим.

– Приду.

– И бухгалтера своего приводи – кивает в сторону тёточки с нарисованными бровями бабушка.

Тёточка нервно поправляет на плечах шаль. А потом берёт под руку председателя, и они уходят в сторону сельсовета.

– Никак скоро свадьбу будем играть? – со значением говорит им в спину Николаич.

Председатель с тёточкой убыстряют шаг.

– Зачем вы над человеком издеваетесь? – шепчет с укоризной тётя Наташа.

– Это мы любя – хмыкает Николаич.

День проходит в суете. Скоро приезжают долгожданные мама с папой, надо успеть и в доме прибраться, и вкусенького наготовить-напечь, и самим к встрече подготовиться.

Бабушка замесила тесто для пирожков. Пока оно доходит, они с тётей Наташей готовят три вида начинки – картофельную, грибную и мясную. Дед с Гришкой натаскали из колодца воды, замариновали мясо для шашлыка, а потом накололи дров. Сейчас они взяты в мансарде, а Николаич старательно подметает большой метлой двор.

У Муры с Вадькой самое ответственное и трудновыполнимое задание – не путаться под ногами и не мешать взрослым. Они уже успели раскрасить всё, что можно было раскрасить, налепили кучу пластилиновых фигурок, поиграли в прятки и догонялки. Потом Мура рассказала Вадьке свою любимую сказку «Иван-царевич и Серый Волк». Вадьке очень понравилось выражение «тридевятое царство тридесятое государство». Он забился под кровать и кричит оттуда на весь дом:

– Тдидевядое цадсдво тдидесядое госудадсдво!

А Мура корчит ему смешные рожицы.

За хлопотами никто не слышит скрипа отворяемой калитки. Отрываются от дел, когда папа Володя с мамой Тоней уже заходят во двор. Первым их замечает Николаич.

– Приехали! – радостно голосит он и, отшвырнув метлу, торопится навстречу, смешно двигая локтями.

Через минуту высыпают из дома остальные. Впереди летят Мура с Гришкой, следом – бабушка, дед, тётя Наташа и Вадька.

Объятия, вздохи, поцелуи!

– Как вы похудели! – ахают бабушка с дедом.

– Это потому, что мы по вам очень скучали, – объясняют мама Тоня и папа Володя.

Мура с Гришкой, радостно визжа, целуют по очереди родителей.

– Мамочка! – оговаривается от волнения Мура.

– Памочка! – с готовностью подхватывает Гришка.

– Чего же мы во дворе стоим, – спохватывается бабушка, – пошли в дом.

– Подождите, – говорит папа Володя.

Они с мамой Тоней переглядываются. Мама Тоня подбадривает его улыбкой. Папа Володя прочищает горло. Делает шаг к деду:

– Пап. Мы тебе подарок привезли.

Он берёт отца за руку и выводит за калитку. На обочине стоит оранжевый автомобиль.

– Вот, – немного путаясь от волнения в словах, говорит папа Володя, – это, конечно, не «москвич», с маркой мы не угодили, взяли импортную машину. Она не новая, но крепкая, сто лет ещё проедит. Зато совершенно точно оранжевая, как ты и мечтал всю жизнь.

– Это... мне? – спрашивает одними губами дед.

– Тебе, – отвечает папа Володя.

Глава последняя

Счастье Муры

Недавно Муре купили письменный стол. Красивый, большой, цвета топлёных сливок. У стола полка с тремя ящичками – там Мура хранит альбомы для рисования, карандаши, ластики, пластилин, гуашь и кисточки. Крышка стола покрыта стеклом. Под стеклом – фотографии. Мура лично их выбирала и раскладывала.

На этой мама Тоня с папой Володей на фоне водопада. На той Гришка – маленький ещё, щекастый, лежит на животе, сложив под подбородком кулачки. Здесь бабушка с дедушкой, совсем молодые, загорелые, на море. Там Мура – с туго сплетёнными смешными косичками.

На самом видном месте большая цветная фотография. Её дядя Илья сделал. На заднем плане видна оранжевая дедова машина. Дед её ласково называет Хавроньей.

– Была у меня свинья Бампер, а теперь автомобиль Хавронья, – смеётся он.

– У этого человека всё не как у людей, – делано ворчит бабушка. Она стоит рядом с дедом, сложив на груди руки.

– Зато весело живём, – возражает ей Николаич. Он по случаю фотографии притащил свою газонокосилку и поставил рядом с дедовой Хавроньей. Автопарками дружить.

Возле газонокосилки стоят Мура с Гришкой. За ними, приобняв их за плечи – мама Тоня и папа Володя. Мама Тоня затянула длинные волосы в высокий хвост. Папа Володя отрастил бороду и теперь как две капли воды похож на отца.

Справа от папы Володи стоят Вера Самсоновна, тётя Наташа и Вадька. Вера Самсоновна бликует стёклами очков, тётя Наташа прикрыла ладонью от солнца глаза, а у Вадьки оттопырена щека. Это потому, что он булку жуёт.

Рядом с тётей Наташей стоит председатель сельсовета. Глядит сурово, сквозь зубы. Должность у него такая – страху нагонять. Справа от него, высоко вздёрнув нарисованные брови, переминается с ноги на ногу бухгалтер. Недавно они с председателем поженились. Свадьбу сыграли скромную, но весёлую.

А в левом углу фотографии широко улыбается новыми протезами баба Варя. Зубов у неё теперь столько – хоть отбавляй. И лицо стало круглое, как оладушек. Отъелась наконец баба Варя.

Мура может долго разглядывать эту фотографию. Иногда она разговаривает с ней, рассказывает последние новости.

– Через десять дней у Гришки каникулы. Так что вы не очень там без нас скучайте, – говорит она. И все с фотографии ей улыбаются. Только председатель глядит сурово. Подстраховывается.

Если спросить у Муры, что такое счастье, она ответит не раздумывая:

– Счастье – это когда у тебя много мороженого. Сколько захочешь. И конфет грузовик. И мешок – нет, три мешка малиновых мармеладок. И платье длинное, пышное, как у принцессы. И кукол много – целых десять штук. И чтобы жвачек миллион – обязательно разных! – рассказывает Мура, не отрывая взгляда от фотографии.

Потому что счастье – это когда у тебя есть люди, которым можно о нём рассказать.

